

Евгений СУХОВ

ОГРАБИТЬ ИМПЕРАТОРА

ЭКСМО

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Ограбить Императора

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Ограбить Императора / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2014

Осень 1917 года. Петроград. Власть переходит в руки большевиков, и начинается повальная экспроприация частной собственности. Владелец ювелирной компании «Товарищество Фаберже» понимает, что его мастерская не сегодня завтра будет разграблена, и разрабатывает хитроумный план спасения особо ценных украшений, изготовленных по спецзаказу для императорского дома. Ювелиру придется действовать в условиях, «приближенных к боевым». Дело в том, что изделиями Фаберже заинтересовался сам председатель петроградской ЧК товарищ Урицкий. И не он один. Главарь самой отчаянной петроградской банды тоже не прочь обогатиться за счет «буржуев»...

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть I. Саквояж Фаберже	5
Глава 1. Нежданные клиенты	5
Глава 2. Я – женщина сговорчивая	16
Глава 3. Мы сворачиваем дело	20
Глава 4. Плеть, висящая на стене	29
Глава 5. Поставьте в духовку осетра	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Сухов

Ограбить Императора

Часть I. Саквояж Фаберже

Глава 1. Нежданные клиенты

Октябрь 1917 года

Большая Морская славилась как одна из главных фешенебельных улиц Петрограда и проходила от Дворцовой площади до пересечения Мойки и Крюкова канала. В ее шикарных особняках, раскинувшихся по обе стороны проспекта, селились исключительно состоятельные люди, ценившие роскошь и богатство. Улица состояла из бесчисленного количества магазинов, где можно было приобрести самые изысканные вещи. Например, в «Магазине платья и белья Флорана» продавалась модная одежда, доставленная из Италии и Франции. Немало было здесь и ресторанов, в которых можно прекрасно провести время с дамой и послушать цыганские романсы, а в знаменитом ресторане «Кюба» отведать заморских устриц.

Особенно много имелось на Большой Морской ювелирных магазинов, в том числе и самых известных мастеров России: Юлиуса Бути, Эдуарда Болина, Фридриха Кехли, Леопольда Цефтингена, продававших драгоценности, рассчитанные на самого избалованного клиента. Именно поэтому улица имела еще одно название, неофициальное, «Бриллиантовая». Но даже среди всех этих зданий, отличавшихся роскошью и стилем, выделялся особняк на Большой Морской, 24, в котором проживал король ювелиров Карл Густавович Фаберже, в нем же размещалось «Товарищество Карла Фаберже». Помпезное здание невозможно было спутать ни с одним другим, оно имело не только собственный облик, но еще и характер и через большие окна с высоты четвертого этажа покровительственно посматривало на суету городских улиц.

Прежде, в конце восемнадцатого века, здание принадлежало еврейской семье Адаров, также известных ювелиров своего времени. Изделия Иосифа Иодора, самого талантливого художника семьи, охотно приобретала царствующая фамилия.

Позже дом был продан другому ювелиру, англичанину Дючвеллу, ставшему невероятно модным в середине девятнадцатого века. Едва ли не каждая аристократическая семья Петербурга имела мельхиоровые канделябры или серебряные подсвечники с его клеймом. Но особым спросом пользовались золотые медальоны, украшенные изумрудами, которыми обменивались молодые люди в день своей помолвки.

А в конце девятнадцатого века этот дом приобрел у генерал-майора Золотова купец 2-й гильдии Карл Фаберже. Любивший изыск Карл Густавович решил произвести перестройку дома, и фасад оформили в стиле модерн. Здание так существенно отличалось от всех других, построенных на Большой Морской улице, что нередко можно было наблюдать толпы зевак, взиравших на фасадную лепнину и готические треугольные маковки особняка с откровенным восхищением.

На первом этаже величественного здания, украшенного полуколоннами из красного гранита, Карл Густавович поместил магазин под названием «Золотые и бриллиантовые вещи». А на остальных этажах расположились мастерские ведущих ювелиров фирмы, оснащенные самым передовым оборудованием. Карл Густавович обитал с семьей на втором этаже в пятнадцатикомнатной квартире, там у него был роскошный как по размеру, так и по интерьеру кабинет, нередко служивший ему и офисом, где он зачастую принимал самых уважаемых заказчиков.

Все ценности хранились в бронированном сейфе-лифте, изготовленном одной из самых надежных фирм по производству несгораемых шкафов, берлинской компанией «Арнхайм». Огромный, едва ли не с комнату, сейф находился под усиленной охраной тоже на втором этаже, а на ночь его помещали в каменный подвал под высоким напряжением. Код и местоположение ключа к обесточиванию сейфа знали только Карл Фаберже и его старший сын Евгений.

Предками Фаберже были французские гугеноты из Пикардии, бежавшие во времена Людовика XIV в Германию. Позже семейство перебралось в Лифляндию, бывшую тогда российской глубинкой. Основатель фирмы Густав Фаберже родился в Пярну, однако ювелирному делу обучался в Петербурге. Именно тогда он поменял фамилию Фаберг на более благозвучную – Фаберже, означавшую в переводе с латинского «мастер». Фамилия прижилась, и теперь ее носил не только сам глава дома, но и его сыновья.

Карл Густавович прошел в просторную гостиную и устроился в мягком удобном зеленом кресле с высокими подлокотниками, обыкновенно стоящем перед небольшим журнальным столиком из черного дерева. На краю стола лежала пачка свежих газет, которые хозяин дома неизменно просматривал всякое утро (даже при новой власти Карл Фаберже не изменял заведенным привычкам), после чего шел в мастерскую, размещавшуюся на третьем этаже, где трудились ювелиры. Правда, в последний год хороших заказов бывало крайне мало, да и сами клиенты как-то разительно изменились. Если в прежние времена по большей части изделия покупала императорская фамилия, то сейчас это были революционно настроенные матросы и откровенные бандиты. Поверх стопки лежал «Петроградский листок», и Карл Фаберже решил начать ознакомление именно с него. Развернув газету, ювелир натолкнулся взглядом на небольшую заметку в светской хронике:

«Бывший верховный главнокомандующий Николай Николаевич продал свой дворец на Петровской набережной на берегу Невы Министерству путей сообщения за 2 миллиона рублей. Цифра эта является весьма незначительной ввиду обширности занимаемого дворцом земельного участка и крупных надворных построек. Дворец продан без мебели, которая в настоящее время вывозится в Крым вместе с редкими коллекциями оружия и фарфора – прежней гордости великого князя».

Вздыхнув, Карл Густавович отложил газету в сторону. С великим князем Николаем Николаевичем он был знаком накоротке. Высокий, лохотный, с невероятно прямой осанкой, князь производил благоприятное впечатление на всякого, кому удосужилось с ним общаться. Они познакомились, когда Николай Николаевич заказал в ювелирном доме Фаберже диадему для своей возлюбленной – Софьи Бурениной – замужней купчихи и матери двоих детей. Его страсть была настолько всепоглощающей, что он перестал скрывать ее даже от царствующего дома.

Влюбленных всюду видели вместе: на балах, в ложе Мариинского театра, в Летнем саду, прогуливающихся под руку. Об этой неожиданной и неравной связи судачил весь Санкт-Петербург. Поговаривали, что Николай Николаевич даже просил у царя разрешения на морганатический брак, и что тот, как бы в устной форме, разрешил им узаконить свои отношения. Великий князь уже стал готовиться к венцу, но самодержец вдруг неожиданно передумал.

В последний раз Карл Фаберже виделся с великим князем полгода назад, когда Николай Николаевич для своей нынешней жены, Анастасии Николаевны, урожденной принцессы Черногогорской, заказывал шкатулку из темно-зеленой яшмы. Помнится, он был весьма печален и озабочен, что, вероятно, было связано с неудачами на Северо-Западном фронте. От прежнего лоска, столь ему свойственного, не осталось и следа – ему на смену пришли седые кудряшки, неряшливо выглядывающие из-под полевой фуражки, а усики, всегда лихо закрученные, вдруг обвисли и выглядели смешными...

Подошел слуга, Лев Федорович, прослуживший в доме Фаберже более двадцати лет. Все, от мала до велика, звали его по-простому – Лева, а то и Левушка. Черты мясистого лица были грубоватыми, резкими, какие нередко можно наблюдать у людей, познавших тяжелый труд, а щеки – с глубокими провалами, и на них отчетливо выделялись потемневшие морщины. На первый взгляд он производил впечатление невежественного человека, которого легче представить с метлой в руках, нежели прислуживающим в господском доме, где едва ли не с каждого угла выпирала фарфоровая роскошь. Но стоило тому только заговорить, как вся насто-роженность пропадала – от природы Лев Федорович имел невероятно мягкий голос. В доме его любили. И было за что! Левушка обладал уступчивым и добрым характером и преданно служил семье.

– Карл Густавович, – слегка поклонившись, произнес Левушка, – вам кофею принести?
– Кофей не надобно, а вот чай, пожалуй, в самый раз будет, – бодро ответил Фаберже.

По собственному опыту Карл Густавович знал, что тот не отстанет от него до тех пор, пока хозяин не согласится отведать какое-нибудь лакомое баловство.

– А вам как, с лимоном? – столь же любезно вопрошал Левушка, добродушно улыбаясь.

– С лимоном, – сдержанно и терпеливо сказал Фаберже, беря очередную газету. Порой казалось, что для Левушки не существует более главной задачи, нежели чем попотчевать хозяина.

– А может, с кренделями? – с готовностью продолжал Левушка и, поймав неодобрительный взгляд Карла Густавовича, добавил с поспешностью: – Марфушка нынче испекла кренделей с маком. До чего пышные удались! – Он восторженно закатил глаза. – Я сам три штуки съел.

– Ну, хорошо... Неси крендель, – слегка улыбнулся Фаберже.

– Вот и славно, Карл Густавович, с кренделями-то оно как-то повеселее будет газеты почитывать.

Карл Фаберже досадливо покачал головой: что с ним будешь делать! В своем желании угодить слуга порой бывал просто невыносим, но не запирается же в кабинете из-за такой малости!

Он взял «Биржевые ведомости», где на первой странице прочитал:

«Агентские телеграммы из Парижа сегодня сообщают о состоявшемся на полигоне в Венсэне расстреле известной танцовщицы Маты Хари. Пользовавшаяся таким неслыханным успехом, танцовщица оказалась германской шпионкой, работавшей в пользу немцев. Мата Хари была женщиной необычной красоты, с черными волосами и русалочьими глазами. Она не была чужда известной эксцентричности и нередко появлялась в Булонском лесу в сопровождении двух обезьян и трех котят...»

Свернув газету, Карл Густавович небрежно бросил ее на стол. Доброе настроение улетучилось вмиг! День начинался не самым лучшим образом. Что же в таком случае его ожидает вечером? Нынешнее революционное время едва ли не каждый день приносит новости, вот только все они отчего-то невероятно скверные.

С красавицей Матой ювелир познакомился в Париже незадолго до войны. Во Францию он ездил для того, чтобы обговорить детали предстоящего крупного заказа, сделанного банкиром Морганом. В свободный вечер Карл Густавович зашел в один из театров-варьете, расположенных на Монмартре, где выступала местная знаменитость Мата Хари. Ему обещали, что будет интересно. Несмотря на невероятно высокую стоимость билетов, зал был заполнен полностью. Большую часть публики составляли молодые элегантные французские офицеры, и со своей седеющей бородой он ощущал даже некоторую неловкость. Но когда тяжелые бархатные шторы, дрогнув, двинулись в разные стороны и на сцену в одном лишь купальнике со сверкающими блестками выбежала красивая гибкая женщина, Карл Густавович не только позабыл про свой возраст, но, кажется, и про все на свете. Громко, не отставая от остальных поклонников, слившись с ними в «неистовствующую публику», ювелир немилосердно хлопал в ладоши,

когда на сцене разворачивалось очередное действие: стройная девушка то превращалась в танцовщицу из гарема турецкого султана, а то вдруг становилась вакханкой Древнего Рима...

После представления, набравшись смелости, Карл Густавович попросил знакомого офицера, сопровождавшего Мату Хари после концерта, познакомить его с танцовщицей. Женщина не стала томить его долгим ожиданием и приняла Карла Густавовича в своем будуаре. При общении она оказалась весьма милым человеком. Последующую неделю Мата Хари, позабыв про всех остальных кавалеров, провела в его обществе. Так что пребывание в Париже не показалось Фаберже скучным, и после переговоров с магнатом Морганом, продвигающихся невероятно трудно (тот еще скряга!), он спешил в небольшой загородный дом Маты, где во все часы находил радушный прием.

В какой-то момент страсть была настолько всепоглощающей, что Карл Густавович все-таки стал подумывать о том, а не поменять ли привычный образ жизни, где, кроме работы, мало что происходит, на более праздный – с чередой удовольствий, шампанским и танцами, при этом рядом с ним всегда будет находиться милое красивое существо. Только приезд старшего сына, Евгения, вдумчивого и правильного человека, заставил его отказаться от уже принятого было решения.

С Матой Хари престарелый Фаберже расставался чуть ли не со слезами. Девушке тоже было не по себе. Во всяком случае, ему очень хотелось в это верить, и только подаренный черный бриллиант, который он приобрел у индийского раджи для английской королевы, слегка растопил тоску ее сердца. Поцеловав Карла Густавовича на прощание, Мата сказала, что на следующее представление выйдет обязательно с черным алмазом, вот только никому не обмолвится о его происхождении.

Вернувшись в Россию, Карл Густавович в «Московских ведомостях» прочитал о том, что во время одного из выступлений Маты Хари парижане увидели на ее груди огромный черный бриллиант в форме слезы. В своем интервью, данном после выступления, танцовщица заявила, что посвящает свой спектакль уехавшему в Россию другу, а черный бриллиант – это застывшая слеза печали, выкатившаяся из глаз при расставании.

Как бы там ни было, но интервью Карлу Фаберже понравилось, и он долго хранил эту газету в деловых бумагах, где на первой странице была запечатлена Мата Хари в костюме индийской жрицы с бриллиантом на груди, исполнявшая танец живота. И скромно, всего-то отдельной строчкой, было указано, что стоимость черного бриллианта составляет один миллион франков.

Карл Фаберже считал, что имеет право на некоторые личные тайны, и секрет черного бриллианта был одним из них. Впоследствии известная ювелирная французская фирма оценила черный бриллиант в два миллиона франков. Однако это было не так. Об истинной стоимости бриллианта знал только Карл Густавович, а она составляла целых три миллиона!

Карл Густавович и далее не упускал Мату из вида. Правда, письма, которые он порой получал от нее, были лишены прежней огненной страсти, но неизменно радовали словами: «Как же я по тебе скучаю!» Иногда в газетах писали о том, что она разъезжает по Европе со своей новой программой, но всегда возвращается в свой любимый театр-варьете в Париже, где он впервые увидел ее в костюме сказочной принцессы. Друзья Фаберже, работавшие в Париже, сообщали ему о том, что Мата не скучает в его отсутствие, что у нее по-прежнему огромное количество поклонников и что танцовщица нередко появляется в обществе блистательных французских офицеров.

Следующее письмо, пришедшее три месяца назад, предвещало катастрофу – руководитель парижского филиала Жан Авеньяк написал о том, что после последних гастролей в Бельгии за Матой была установлена слежка, в результате которой выяснилось, что она является шпионкой германской разведки.

Карл Густавович закрыл глаза. Сложно было представить, что такое красивое и волнующее разум тело могут разорвать и изуродовать свинцовые пули.

– Ваш чай, Карл Густавович, – произнес подошедший Левушка и аккуратно поставил на стол стакан чая с лимоном в серебряном подстаканнике. В небольшой тарелке подал кренделя, обильно обсыпанные маком. Пышные, слегка коричневые, они и впрямь выглядели украшением стола.

Левушка ушел только после того, как Фаберже, откусив крендель, одобрительно крикнул:

– Просто великолепный! Таких я еще не откусивал.

Сказано было с преувеличением, но вполне достаточно для того, чтобы отправить верного слугу восвояси. С чаем было покончено. Последние глотки Карл Фаберже допивал едва ли не через силу, Левушка, как всегда, переборщил с сахаром. Хотелось верить, что это от большой любви к своему хозяину.

Вновь появился Левушка (Карл Густавович недоуменно посмотрел на слугу: неужели тот хочет предложить еще чаю?) и, остановившись в двух шагах, смущенно произнес:

– Карл Густавович, к вам пришли.

– Кто? – удивился Фаберже, не ожидавший в ранний час визитеров. О его привычке прочитывать утренние газеты знали не только его работники, но также ближнее и дальнее окружение, поэтому его старались не тревожить, а клиенты предпочитали встречаться с ним в мастерской.

Даже если возникал какой-то непредвиденный визитер, Левушка всегда находил повод, чтобы спровадить его восвояси, но в этот раз слуга выглядел обескураженным и крайне взволнованным. Карл Густавович слегка нахмурился и раздраженно произнес:

– Ты разве не сказал, что я сейчас занят и освобожусь попозже?

День явно не задался. Одна неприятность следовала за другой.

– Сказал, – виновато ответил Левушка, ступавший под строгим взглядом хозяина дома. – Но они настаивают, говорят, что уполномочены Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

– Ах, вот оно что, новая власть пожаловала. – Карл Густавович тяжело вздохнул. От этих представителей просто так не отделаешься. – Что ж, пригласи их в мой кабинет. Видно, настало время познакомиться с ней поближе... Ведь не в гостиной же мне разговаривать с представителями рабочих и солдатских депутатов.

Подхватив под мышку стопку газет, он поднялся и зашагал по длинной ковровой дорожке, уводящей в глубину здания. В огромном кабинете, больше похожем на зал, стены которого были отделаны дубовыми панелями, со стеллажами книг, заставленными до самого потолка, с тремя большими пальмами, разросшимися подле двух больших окон, Карл Фаберже чувствовал себя невероятно удобно и защищенно. Двойные толстые стекла надежно оберегали его покой от громыхания повозок, окриков патрулей, которых с каждым днем становилось все больше, хохота подвыпивших дам, оружейных и винтовочных выстрелов, погонь, да и вообще от всей новой власти. И вот сейчас, несмотря на все его попытки уклониться от встреч с ней, новая власть явилась сама. Весьма скверное предзнаменование. Где-то вдалеке дважды пальнула винтовка. Затем раздался чей-то отчаянный вопль, леденящей занозой уколотивший селезенку, а потом вдруг разом все смолкло.

В дверь кто-то сдержанно постучал, и на громкое разрешение Фаберже в кабинет вошли два человека. Первый был одет в длинную кожаную куртку из грубой коричневой кожи, собравшуюся толстыми складками на рукавах, в черных широких матросских брюках, на ногах такого же цвета уставные ботинки. На вид ему было не более двадцати пяти лет. На крепком здоровом лице с легкомысленным румянцем на щеках проступала густая светлая щетина.

Второй вошедший был немного постарше, где-то около тридцати. Высок, худощав. Спина прямая, какая может быть только у людей, привыкших вышагивать по плацу. Черты лица тон-

кие, если не сказать, изящные. На тонкой верхней губе аккуратно подстриженные усики. В крупных темных глазах застыла усталость. Одет он был в длинную солдатскую шинель без погон. На ногах грубые сапоги, покрытые серой пылью.

– Гражданин Фаберже? – спросил человек в солдатской шинели.

– Э-э-э... Да. А в чем, собственно, дело, господа? – слегка растерявшись, произнес Карл Густавович, понимая, что ничем, кроме неприятностей, подобный визит не вызван. В самом деле, не станет же большевистская власть заказывать ему коммунистические вензеля с бриллиантами!

– Мы к вам пришли по поручению Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, – строго произнес человек в кожаной куртке.

– Извините, а с кем, позвольте, я имею дело?

– Моя фамилия Большаков, а это товарищ Кошелев.

– Да, я вас внимательно слушаю, – ответил Фаберже, строптиво вскинув седую бородку.

– У нас к вам имеется предписание. – Человек в солдатской шинели сунул руку во внутренний карман и вытащил из него толстую сероватую бумагу. – Ознакомьтесь! – протянул он документ.

– Что это? – все более волнуясь, произнес Фаберже. Рассеянно осмотревшись по сторонам, добавил: – Кажется, в гостиную я оставил свои очки. Вы не могли бы мне прочесть, что здесь написано.

– Что ж, извольте. – От всего облика человека в шинели, чуть снисходительной улыбкой веяло аристократизмом. С такими людьми Фаберже приходилось в последнее время встречаться особенно часто. Некоторые из них были даже его клиентами. За карточным столом они проигрывали батюшкино состояние, а понравившимся кокеткам дарили броши стоимостью в целое имение. Они спокойны, хладнокровны, любезны. С одинаковой вежливостью они помогают даме надеть шубку в Императорском театре и отправляют солдат на верную смерть брать вражеский редут. От них всегда веет учтивостью и холодом. Таких людей Фаберже сторонился всегда, даже в лавке, зная их непредсказуемость, и вот теперь они перешагнули порог его кабинета.

– *«Решением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «Товарищество Карла Фаберже» с имеющимся движимым и недвижимым имуществом передается в распоряжение комитета работников. Отныне его следует называть «Общество служащих Товарищества К. Фаберже». Председатель Петроградского Совета Лев Троцкий»...* Печать, подпись, все как полагается. Хотите взглянуть?

– Что это значит? – растерянно спросил Карл Густавович.

Человек в солдатской шинели аккуратно свернул листок бумаги и положил его в карман.

– А это значит, что все ваше имущество национализировано и передано в пользование товариществу, вашим работникам.

– Но у меня наемные работники, они не имеют никакого опыта управления!

– Мы им поможем разобраться.

– Но, позвольте, по какому праву? Я ведь сам создавал свою фирму, а мои работники к моей фирме не имеют никакого отношения.

– Теперь имеют! Так решила Советская власть. Вы что думаете, она позволит эксплуатировать трудящихся? – Голос человека в шинели был простуженным и сырым, каким может быть только стылая петроградская погода.

Карл Фаберже едва сдержался, чтобы не поежиться, и продолжал возмущаться:

– Никто их не эксплуатировал. Они очень хорошо получают за свой труд, и никто из них никогда не жаловался. Наоборот, самые опытные и знающие ювелиры живут в моем доме, их мастерские располагаются на четвертом этаже. Мы живем как одна большая и дружная семья. Вы можете сами у них спросить...

– Спрашивать мы ничего и ни у кого не будем, ваш вопрос уже решен. И закрыт!
– Но что в таком случае делать с моими заказами, материалом? У меня филиалы едва ли не по всей России! Как быть с ними, они тоже национализированы?
– Да, они тоже переданы вашим служащим.
– И как это все в целом понимать?
– Вы не можете распоряжаться имуществом без их разрешения.
– Но что же в таком случае делать мне?
– А что вы? – искренне удивился Кошелев. – Вы такой же работник, как и все остальные, и так же, как остальные, работаете на фирме.

– Кажется, я вас понял, – убито произнес Карл Фаберже.
Кивнув на стопку газет, лежавших на краю стола, человек в солдатской шинели сказал:
– Вижу, что вы газетки почитываете. Похвально... Так вот, в «Известиях Петроградского Совета» завтра можете прочитать о нашем постановлении. Честь имею! – Его рука привычно поднялась, но на уровне плеча ослабла и безвольно опустилась.

– Бывайте здоровы! – пробасил человек в кожаной куртке, и гости быстро вышли из кабинета, громко стуча каблуками по паркету.

Карл Густавович подошел к окну. У парадного подъезда стоял автомобиль с открытым верхом «Мерседес-Бенц». Именно на таком, с удобными креслами из белой мягкой кожи, Николай II любил путешествовать. Уж не у царя ли они реквизировали автомобиль? В водительском кресле сидел крупный мужчина в тужурке и в длинных, едва ли не по самый локоть, кожаных перчатках. Вышедшие гости твердым шагом направились к стоявшему автомобилю. Человек в шинели уверенно разместился на переднем сиденье, подобрав рукой длинные полы шинели, а человек в кожаной куртке плюхнулся сзади, по-хозяйски разметав руки по сторонам. Громко хлопнули затворяемые дверцы, заставив невольно зажмуриться, и «Мерседес-Бенц», победно пискнув клаксонами, затарахтел по дороге.

С противоположной стороны улицы, заложив руки за спину, на Фаберже смотрел человек в бежевом легком пальто и небольшой шляпе с узкими полями. Карлу Густавовичу показалось, что он где-то видел этого человека, вот только никак не мог припомнить, при каких именно обстоятельствах произошло знакомство. Заметив направленный на него взгляд, мужчина отвернулся и зашагал к центру города.

Только сейчас Карл Густавович обратил внимание на то, что улица выглядела невероятно пустынной. Еще какой-то год назад Большая Морская буквально громыхала от проезжавших по ней экипажей с княжескими и графскими вензелями на дверцах. Теперь же она выглядела унылой, и по ней нестройными рядами шагали солдаты в шинелях. Под руку с девицами расхаживали матросы, заглядывая едва ли не в каждый встречавшийся на пути магазин. Проку от этих визитов не было никакого. С наглостью в голосе, видно, ощущая себя по-настоящему хозяевами, они требовали показывать ювелирные изделия, купить которые отважился бы не всякий князь. Вот один из матросов, остановившись у витрины с украшениями, принялся тыкать в нее пальцами и что-то громко разяснял своей вульгарно разодетой подружке.

– Господи, когда же все это кончится? – невольно простонал Карл Густавович. – Национализация... А не проще ли сказать как есть – мы решили тебя ограбить!

Как все поменялось за один год! Ведь еще совсем недавно на Большую Морскую, 24, ежедневно, с четырех до пяти часов вечера, приезжали богатейшие люди России, включая членов августейшей фамилии, чтобы посмотреть, что же нового Карл Густавович решил выставить на продажу. И ведь удивлял! В иные часы в магазине было просто не протолкнуться от наплыва покупателей. Сейчас же, если удастся сторговаться с двумя посетителями за день, можно считать день удавшимся.

А ведь не так давно в Зимнем дворце он держал специальную кладовую, где хранился запас подарков от фирмы Фаберже. Царствующие особы и члены их семей, разъезжая по миру,

дарили изделия фирмы известного мастера главам государств, царям, императорам, вызывая неподдельное восхищение творениями русских ювелиров. Но особым шиком у великих князей, конечно же, пользовались портсигары, которые скупались ими у Фаберже едва ли не мешками. И Карл Густавович, бывая частенько в Эрмитаже, не однажды наблюдал презабавную сценку, как великие князья, покуривая у Церковной лестницы, щеголяли приобретенными портсигарами. Ювелир невольно улыбнулся, подумав о том, что среди них появилась традиция едва ли не ежедневно приносить в курительный закуток новый портсигар. Увы, теперь все это уже в прошлом. Собственно, как и сами великие князья...

Карл Густавович пересек просторный зал и вошел в магазин «Золотые и бриллиантовые вещи». По лицам слуг было понятно, что они уже знали о состоявшейся национализации «Товарищества Карла Фаберже» – выглядели молчаливыми и подавленными, как если бы в доме находился покойник. Каждый из них, проходя мимо, виновато прятал взгляд, словно на каждом из них лежала вина за случившееся.

За прилавком магазина стоял Петр Самсонович Хрулев, старейший продавец, в прошлом великолепный мастер. Вот когда стали сдавать глаза, его перевели в магазин. Как правило, он работал с весьма почтенными клиентами, где необходим был весь его богатейший опыт как знатного ювелира. Петр Самсонович одинаково успешно работал как с великими князьями, желавшими приобрести что-нибудь изысканное, так и со студентами, желавшими подарить «что-нибудь эдакое» своей невесте.

– Отдохните покудова, Петр Самсонович, я сам обслуживаю покупателей, – произнес Карл Фаберже.

Петр Самсонович выглядел сконфуженным.

– Карл Густавович, мы уже знаем о решении... Не обессудьте. Только вы на нас можете всецело положиться, все будет так же, как и раньше, чего бы они там ни решили. Все это ваше, а нам чужого не надобно.

– Будем надеяться, что все образуется. Россия еще и не такие смутные времена переживала. А вы ступайте, отдохните, милейший Петр Самсонович.

– Как скажете, Карл Густавович, – не посмел перечить верный работник и удалился в служебное помещение.

В холле магазина послышался громкий мужской смех, ему отозвался смех женский – задиристый, звонкий, молодой. Видать, из новых господ, аристократы ведут себя куда сдержаннее. В следующую секунду колокольчик на двери предусмотрительно дзинькнул и в зал вошел матрос в бушлате с курсисткой лет двадцати, бережно поддерживая ее под руку. Глаза матроса скользнули по прилавкам с выставленными драгоценностями, задержали взгляд на огромных напольных часах, стоявших в самом углу магазина, после чего он обратился к Фаберже, приветливо улыбавшемуся:

– Хорошо живут господа! Посмотри, Фекла, какая красота! Раньше все это только буржуи могли купить, а теперь и простому народу доступно. Тяжело тебе было, старик, жить при господской власти, а? – спросил он у Карла Густавовича, стоявшего за прилавком. – Эксплуатировали небось нещадно?

– Ничего... Я не жалуюсь, – сдержанно ответил Фаберже.

– Буржуи все себе забирали, а тебе только крохи перепали, – наседал матрос. Карл Густавович молча пожал плечами. – А ты, я погляжу, не очень-то разговорчивый. Ладно... Вот что, – наклонился он к застекленной витрине, на которой на красных бархатных подушечках лежали диадемы, украшенные изумрудами и сапфирами, бриллиантовые ожерелья в несколько аккуратных рядов, сверкая гранями, в небольших коробочках покоились кольца и перстни. – Чего бы ты мне посоветовал купить, старик? Барышню свою хочу порадовать.

– Сколько лет вашей барышне? – серьезно спросил Фаберже.

– Ха-ха! – громко рассмеялся матрос. Его натура дышала первобытной жизнеутверждающей силой, а фигурой он напоминал крейсер, вошедший в небольшую тихую гавань. Во вместительном зале почему-то вдруг сразу стало тесновато. – Ты думаешь, я спрашиваю паспорт у своих марух? А ты, старик, однако, забавный... А может, ты глаз положил на мою барышню, вот и интересуешься? Так признавайся, я нежадный, могу и уступить.

– Вы не так меня поняли, молодой человек, – слегка нахмурился Карл Густавович. – Дело в том, что каждое украшение предназначено для женщин разных возрастов и разного темперамента. Одним подходит сапфир, другим подойдет бриллиант... Например, вот эта диадема с сапфиром очень подойдет голубоглазым барышням двадцати лет. Вот это рубиновое кольцо – для женщин почтенных, имеющих положение в обществе. Его следует носить на какие-нибудь официальные приемы... А вот этот золотой браслет с двенадцатью бриллиантами будет к лицу белокурой замужней женщине... Полагаю, вы хотите приобрести какое-нибудь небольшое колечко? – заинтересованно спросил Фаберже. – У нас их очень большой выбор. Я бы рекомендовал вашей барышне вот это золотое кольцо с небольшим изумрудом, как раз под цвет ее глаз. Оно очень изящное и не столь уж дорогое. – Заметив, как матрос слегка поморщился, быстро продолжил: – Можно и другое, без драгоценного камушка. Посмотрите вот на это колечко в виде небольшой змейки...

– Послушай, старик, – недовольно проговорил матрос, – что ты мне пытаешься какое-то фуфло всучить? Я ведь пришел в «Товарищество Фаберже», я так понимаю?

– Именно так.

– Вот и давай выкладывай, что там у тебя имеется! Если бы твой хозяин знал, какой ты мне товар пытаешься втюхивать, он бы тебя рассчитал без пансиона!

– Возможно... Что вы желаете?

– Понимаешь, батя, я хочу сделать своей марухе настоящий подарок. Чтобы помнила меня, когда я в море опять уйду. Чтобы ждала меня... Ты вот что сделай, старик, покажи-ка мне вот эти «яхонтовые бусы», – ткнул он в центр экспозиции, где размещалось бриллиантовое кольцо с крупными камнями.

Первоначально кольцо было изготовлено для балерины Матильды Кшесинской, бывшей любовницы цесаревича Николая Александровича, которая всегда была равнодушна к представителям царствующей династии. За кольцо она отдала небольшую предоплату, но вскоре, испугавшись волнений, царивших в городе, уехала в Кисловодск вместе с сыном, напроць позабыв про заказ. Некоторое время Карл Густавович ожидал, что она вернется в Петроград или хотя бы пришлет нарочного или посыльного, чтобы выкупить исполненный заказ. Однако этого не произошло – до Карла Фаберже докатились слухи, что в ближайшее время балерина собирается выехать за границу, в Париж, и он решил выставить кольцо на продажу.

Разумеется, Карл Густавович полагал, что кольцо не запылится и долго на витрине не пролежит, но уж никак не думал, что оно приглянется революционному матросу.

– Смеею вас предупредить, это кольцо не из дешевых, оно ведь...

– Послушай, старик, ты чего меня перед марухой срамишь? – укоризненно произнес матрос. Девушка сдержанно прыснула. – Неужели думаешь, что я бы потащил ее к Фаберже, если бы у меня не было денег? – Сунув широкую ладонь в карман, он извлек толстую пачку тысячерублевых купюр. – Видал?

– Да, вижу.

– То-то же! – победно потрянул тот деньгами. Разглядев на лице продавца растерянность, удовлетворенно хмыкнул: – А теперь показывай!

– Извольте, – согласился Карл Густавович после некоторой заминки, стараясь не показывать удивление, словно чуть ли не каждый час в «Товарищество Фаберже» заходили революционные матросы, чтобы купить кольцо стоимостью в крейсер. Отомкнув ключиком витрину,

он достал из-под стекла кольцо, блеснувшее в свете электрических ламп мириадами разноцветных огней, и аккуратно протянул его матросу: – Пожалуйста, можете взглянуть.

– Ух ты! Как оно брызжет-то! – невольно воскликнул революционный матрос.

– Какая прелесть, – произнесла барышня, притронувшись тонкими пальцами к сверкающей поверхности камня. – Такое только у царицы можно увидеть.

– Вы правы, сударыня, – оживился Карл Густавович, вспомнив о колье Александры Федоровны, изготовленного ко дню ее ангела два года назад. – У царицы есть примерно такое же, вот только форма бриллиантов несколько другая. Но по прозрачности и по величине эти бриллианты совершенно не уступают тем, что были у Александры Федоровны.

– А ты, старик, как я посмотрю, неплохо разбираешься во всех этих камушках. Видать, учился?

– Это моя работа, – просто ответил Карл Густавович.

Грубоватыми толстыми пальцами матрос поднял кольцо, потрогал бриллиантовые бусинки, озорно заблиставшие. Широкие потемневшие ладони, огрубевшие от физической работы, только подчеркивали изящество ограненного камня, делая его совершенно воздушным. Бриллианты представлялись частичками окаменевшего воздуха, упавшими на ладонь.

– Значит, ты князьям продавал?

– Случалось... В доме Фаберже они были частыми гостями.

– Так, может, ты и царя видел?

– Доводилось, – сдержанно произнес Карл Густавович, уверенно выдержав подозрительный взгляд.

Курсистка аккуратно примеривала к тонкой шейке кольцо, которое, надо признать, невероятно шло ей, выгодно подчеркивая ее молодость и свежесть.

– Так сколько оно стоит?

– Тридцать восемь тысяч рублей, – спокойно объявил Карл Фаберже, уже готовый уложить кольцо обратно в витрину. Не каждый господин таскает столь внушительную сумму, а той, что показал бравый морячок, было явно недостаточно. Даже банкиры, весьма обеспеченные люди, прежде чем сделать столь значительную покупку, сверяются с личными счетами. Заметив некоторую растерянность матроса, он добавил, старательно скрывая насмешку: – Может, вы решили поторговаться?

Девушка хихикнула.

– Но-но! – сурово посмотрел матрос на развеселившуюся барышню. Вытащив из внутреннего кармана пачку денег, небрежно положил их на стеклянный прилавок. Скользнув по гладкой поверхности, деньги рассыпались неровным веером, закрыв значительную часть экспозиции. – Деньги как навоз: седня нет, а завтра воз, – философски заметил он. – Здесь двадцать тысяч, у меня все точно, как в аптеке... – Постучав широкими ладонями по накладным карманам бушлата, добавил: – Ага, нашел! – Из каждого кармана выгреб по небрежно сложенной пачке и торжественно произнес: – Здесь еще восемнадцать, так что в расчете.

– Вы что, молодой человек, банк ограбили?

– Нет. Нынче банки грабят другие. А я Министерство финансов экспроприрую. Там этого добра хватает! Едва ли не в каждой комнате сейф с деньгами стоит. Чего же добру пропадать-то? – весело произнес матрос и посмотрел на барышню: – Правильно я говорю?

– Конечно, милый, – прижалась девушка растрепавшейся челкой к его могучему плечу.

– Ох, и обобрала ты меня нынче, Феклушка! – посетовал он, покачивая головой. – Мне теперь неделю придется работать, чтобы такие деньги скопить. Ладно, буржуев нынче много, опять кого-нибудь реквизирую.

– Ну, милый, – обиженно скривила губки курсистка. – Ведь я же не просила, ты меня сам сюда привел.

– Ты стоишь того, девка! – примиряюще произнес матрос. – А знаешь, у меня таких баб, как ты, никогда не было. – Его голос неожиданно наполнился нежностью. – Поверь, я знаю, о чем говорю. Всю Европу на «Авроре» прошел, во всех приморских борделях перебивал, а такой красоты не встретил! Ни француженки, ни испанки твоей туфли не стоят!

– Скажешь тоже, – вспыхнула барышня. Щечки ее заалели, грубоватое матросское откровение задело трепетное девичье сердце.

– Ну, чего ты морщишься? Пошутил я! Давай я тебе эти яхонтовые бусы повешу. Расстегни-ка малость свою шубейку... Ага, вот так. Горлышко какое у тебя нежное. Старик, как тут отстегнуть-то? Столько замков взломал, а вот эту хрупкость не получается.

– Осторожнее, – предупредил Фаберже. – Там замочек крохотный имеется. Нажмите на него.

– Вот этот, что ли?

– Да.

– Ага, кажись, получилось... В бабьих корсетах и в этих замках никогда не разбирался. Ну что, подставляй свою лебединую шею. – Грубые мужские пальцы защелкнули изящный замок. – Такую красоту только поверх шубейки таскать.

– Я бы вам не рекомендовал, – сдержанно возразил Фаберже. – Времена нынче неспокойные. Могут ограбить.

– Возможно, ты прав, старик, нынче всякая контра голову поднимает! Ничего, скоро мы ей кадык вырвем!

Алмазная нитка колье спряталась под низким воротником, а крупные, величиной с виноград, бриллианты повисли на высокой девичьей груди. – Вот так, пожалуй! А теперь шубейку-то запахни, а то «уркачи» вместе с платьем вырвут... Ну, мы пойдем, старик. Теперь мы к тебе часто будем наведываться.

– Всегда будем рады, – слегка поморщившись, ответил Карл Густавович.

– Если что-нибудь подобное будет, так ты уж для меня побереги, – произнес на прощание матрос, крепко прижав к себе светившуюся от счастья курсистку.

Карл Густавович вышел из-за прилавка и попрердержал дверь перед клиентами. Прежде чем закрыть дверь, он увидел, что девушка подскочила к старинному мраморному камину с зеркалом – одному из главных украшений холла. Расстегнув крупную перламутровую пуговицу, она принялась любоваться сверкающими бриллиантами. Когда странная пара вышла из магазина, громко разговаривая, Карл Густавович испытал облегчение.

В этот момент он вспомнил человека, который смотрел на него с противоположной стороны улицы. Это был Валерьян Ерошук, работавший в прошлом году в магазине грузчиком. Скверный человечешко, был уличен в краже, за что его и уволили. Можно сказать, что легко отделался, за такие вещи полагается и на поселение.

День продолжался...

Глава 2. Я – женщина сговорчивая

Июнь 1918 года

Закрыв глаза, Элеонора старательно делала вид, что не замечает бесстыжих мужских ласк. Василий, не лишая себя удовольствия, уподобившись слепцу, продолжал изучать жадными ладонями привлекательнейшую географию крепкого мускулистого женского тела, какое может быть только у профессиональной танцовщицы. Кожа Элеоноры была невероятно белой, почти прозрачной, через которую просматривались разветвленные голубоватые вены, ее хотелось гладить и наслаждаться ею на ощупь.

Василий Большаков никогда не торопился в своих исследованиях. Находил на ее теле все новые заповедные уголки, делавшие ее еще более страстной, и все новые оттенки в этой игре, заставлявшие на полную мощь включать воображение.

В проеме распахнутого окна она выглядела особенно прекрасно: правая нога прямая, левая слегка согнута, кожа в солнечном свете светилась янтарем. Настоящая богиня!

– Ведь «Элеонора» твое ненастоящее имя, верно? – неожиданно спросил Василий.

– Да, – не смутившись, ответила барышня. – Настоящее мое имя Фекла, фамилия Абросимова.

– Имя не совсем аристократичное. Ты же из дворянок.

– Все так, – с некоторой грустью произнесла Элеонора. – Но мои родители хотели быть ближе к народу. Даже свою любимую дочь называли Феклой. Кстати, их любовь к народу не помешала потом этому народу сжечь нашу родовую усадьбу. А Фекла с древнегреческого означает «слава Божия».

– Как же ты стала танцовщицей?

– А что еще оставалось делать бедной девочке? Мать умерла три года назад. Отца, как царского генерала, в прошлом году взяли в заложники и расстреляли. Не на панель же мне идти! Вот пришлось идти в танцовщицы. Я ведь брала уроки у Айседоры Дункан, когда училась в Смольном институте.

– Ты одна у родителей?

Элеонора вдруг нахмурилась. Вопрос был ей неприятен.

– Есть еще брат... Но я не хочу об этом говорить.

– Понял. Больше не буду.

С Элеонорой Василий познакомился три месяца назад близ Театральной площади, когда возвращался со службы. Все происходило в точности, как в фильме «Барышня и хулиган», с одной лишь разницей, что к девушке, вызывающе броско одетой, вдруг подошли сразу трое солдат, пропахших окопами и порохом недавних боев, и после пятиминутного грубоватого обхождения стали требовать взаимности. Услышав крик, он подошел к молодцам и попросил убраться. Его кожаная куртка, а в особенности маузер, угрожающе болтавшийся сбоку в деревянной кобуре, произвели на фронтовиков должное впечатление. Зло пообещав, что их пути непременно пересекутся, они исчезли за ближайшим поворотом, как, собственно, и из его жизни. А вот с барышней, оказавшейся танцовщицей Мариинского театра, у них завязался роман. Нельзя сказать, что их отношения были полны бурных признаний в любви с охапками цветов после каждого представления, но и вялыми их тоже не назовешь. Так что для них не стало удивительным, когда однажды после богатого вечера в ресторане они вдруг оказались в одной постели, и, странное дело, никто из них не почувствовал какого-то смущения.

С первой же минуты их знакомства стало понятно, что внутренне они совершенно разные люди. Она – абсолютная барышня, воспитанная гувернантками, мамками, дядьками, тетками и еще невесть какой-то разномастной гвардией трудящихся, допущенной в дворянскую среду,

а он – бесшабашный сорвиголова, чей пыл сумела поумерить лишь государева служба. Так что между собой столкнулись две яркие противоположности, высекая жаркую любовную искру.

– Не боишься, что тебя могут украсть? Все-таки такая красота... – понизив голос, спросил Василий, крепко обняв Элеонору за плечи.

Барышня слегка поежилась под его прохладными ладонями и, вскинув на него крупные, пронизывающие до самого нутра глаза, просто спросила:

– А разве ты меня не защитишь?

В бездонных голубоватых глазах был родниковый холод, от которого ломило зубы и горела огнем кожа. Ни одна женщина не смотрела на него так, как это делает Элеонора.

Докурив сигарету, барышня подошла к окну, щелчком, почти по-мужски, выбросила окурок в приоткрытую форточку. Затем взяла со стола аккуратно сложенную стопкой одежду и принялась быстро одеваться. Заметив устремленный на нее взгляд, набросила на себя бархатный со складочками лиф и просто попросила:

– Застегни пуговицы.

Василий одеревеневшими вдруг пальцами принялся застегивать на узкой спине пуговицы.

– Ты меня поцарапал, – капризно пожаловалась Элеонора.

– Извини... Эта бабья наука мне никогда не удавалась.

Теперь, облаченная в разноцветные кружева и какие-то кокетливые ленты, тесемки, полоски ткани, шнурки и прочие атрибуты женского белья, больше напоминавшие заградительные сооружения на прелестном женском теле, она стала выглядеть совершенно чужой. Недостигаемой, что ли...

– Хм... Прямо скажу, горничная из тебя никакая, зато все остальное у тебя получается просто великолепно! Равных тебе нет... Так что для тебя не все потеряно, – улыбнулась Элеонора.

Глядя на ее яркое блестящее платье с кружевами и всевозможными складками, с трудом верилось, что всего-то какую-то минуту назад она принадлежала ему всецело, без остатка. Красивая птаха с броским оперением. Чужая, незнакомая. Сидит на ветке, до которой не дотянуться, и высокомерно поглядывает на то, что происходит внизу. Яркие цвета на платье были чем-то вроде предостерегающей окраски, какая бывает у красивого ядовитого насекомого. Ее лучше не трогать и обходить стороной, если не желаешь неприятностей. Василий Большаков не однажды наблюдал сцену, как перед Элеонорой, спешно побросав сигарки, расступались даже циничные матросы, избалованные женским вниманием во всех борделях мира. Лица мужчин, заглубившиеся на морском ветру, неожиданно начинали добреть, а жестковатые обветренные губы расплывались в улыбке, как только они встречались с ее глазами. Самые отчаянные из них лихо сдвигали бескозырки набекрень в желании понравиться красивой барышне.

Элеонора подошла к шкафу со встроенным зеркалом и, повернувшись боком, оценила критическим взглядом свою ладную фигуру. А хороша, чертовка! Ничего не скажешь. Вытащив из ридикюля, украшенного матовым жемчугом, губную помаду, она принялась подводить губы, возвращая им утраченную в любовных утехх неотразимость.

Повернувшись, спросила едва ли не с упреком:

– Ты почему на меня так смотришь?

– Просто подумалось... – ответил Большаков, вправляя рубашку в брюки и затягивая ремень.

– И что тебе подумалось?

– Просто подумал... зачем я тебе? Извини, но при таких данных, как у тебя, ты могла бы подобрать нечто более существенное.

– Считай это моим капризом, – шагнула она к нему навстречу. Но незримое расстояние между ними не сократилось, она по-прежнему оставалась экзотической птахой, по недоразумению угодившей в силки деревенского простака.

– Ты не из тех, кто идет на поводу у капризов.

– А не допускаешь того, что ты мне просто понравился? И потом, я вижу в тебе большие задатки...

– О чем ты?

– Ты честолюбив, не довольствуешься достигнутым. Уверена, что через несколько лет ты поднимешься очень высоко. И мне бы хотелось при этом быть с тобой рядом. – Василий натянуто улыбнулся. Попытался притянуть Элеонору к себе, но она вдруг отстранилась. – Давай оставим это до следующего раза, хорошо?.. Вот и договорились.

– Когда ты уходишь, у меня возникает чувство, что мы с тобой больше никогда не увидимся.

– Все зависит от того, как ты будешь себя вести, мой милый. – Кончиком пальца барышня коснулась его носа. – Я – женщина капризная, привыкла к роскоши и вряд ли соглашусь жить в убогости. Чтобы удержать такую женщину, как я, ее нужно все время баловать. Ты ведь работаешь в ЧК?

– Да.

– Ну, вот видишь... Ты ничего не принес на свидание своей любимой женщине. А ведь я могу обидеться. Кажется, ты что-то говорил о броши?

Интонации шелковистые, голос убаюкивающий, но за кажущейся мягкостью прятался сильный, совсем не женский характер, доставшийся ей в наследство от далеких пращуров.

Последние два месяца Большакова четырежды привлекали к обыскам. Всякий раз это были огромные квартиры, занимавшие два этажа, забитых роскошью. Комнаты были заставлены многочисленными антикварными статуэтками, которые вполне неплохо смотрелись бы даже в столичном музее. На стенах висели подлинники художников эпохи Возрождения, а хозяйки даже в домашней обстановке не снимали с себя бриллиантов. Это производило впечатление.

Первым, к кому они зашли, был хозяин мебельной фабрики – могучий мужчина с грубоватым голосом. Его фабрика размещалась в соседнем переулке, до которой он всегда, несмотря на близость, добирался на собственном автомобиле. Из его квартиры во время обыска было вынесено два ведра ювелирных изделий, лежавших на видных местах и подмигивающих вошедшим разноцветным блеском.

Увидев реквизированное добро, сложенное в тюки, ведра и наволочки, хозяин квартиры лишь едко хмыкнул. Казалось, что потеря в пару миллионов рублей золотом совершенно не испортила его радушного настроения. Когда Василий покидал квартиру после обыска, у него возникло ощущение, что комнаты не лишились своего первоначального блеска, а только смахнули с себя броскую позолоту. За участие в реквизиции ему перепала сапфировая брошь с каким-то замысловатым вензелем. Когда душа просила праздника, Большаков неизменно ее доставал и долго всматривался в огранку камней, шурясь на искрящийся свет.

Расставаться с этой броской вещью было жаль. Она приносила ему удачу, и все свои успехи, связанные со службой, он связывал именно с ней. Элеоноре следовало подарить нечто иное, куда более кричащее.

Следующий, к кому Василий Большаков заявился с обыском, был профессор права Императорского университета – устроившись на стуле, он с каменным лицом наблюдал за тем, как четверо уполномоченных, не щадя дубовый паркет, перетаскивали тяжелые книжные шкафы в поисках тайников.

Умело простучали стены и вскоре отыскивали под подоконником небольшое углубление, где хранилось полсотни ювелирных изделий. Заготовленными ломиками энергично вскрыли

полы – именно там, в небольшой нише, был обнаружен тайник с несколькими бриллиантовыми брошками.

Профессор лишь покачал головой, а потом, накинув на плечи плащ и натянув на самый лоб шляпу, ледяным тоном изрек:

– Вам не всегда будет так везти, господа... Уж поверьте мне! История знает немало примеров. – И, помахивая тросточкой, с выпрямленной спиной вышел за дверь.

После того памятного обыска Большакову перепала платиновая заколка с тремя небольшими сапфирами, которую он и намеревался подарить Элеоноре.

– Была... Но я тебе принесу что-нибудь другое. Гораздо лучше. Обещаю!

– Вот и договорились, – улыбнулась Элеонора. – Я барышня сговорчивая. Буду ждать.

Поцеловав Василия в лоб, она выпорхнула за порог.

Глава 3. Мы сворачиваем дело

Июль 1918 года

В последнее время заказы, собственно, как и покупка дорогих изделий, резко сократились. Лишь вчерашний день можно было считать наиболее удачным. Через полчаса после открытия магазина пришли двое солдат и купили сразу чемодан серебряных ложек, а ближе к обеду заявила еще группа матросов и смела со склада мельхиоровые ложки, инкрустированные золотом. Фаберже, не привыкший удивляться за долгую торговую жизнь каким-то невероятным казусам, в этот раз не удержался от вопроса:

– С каких это пор армия и флот перешли на ложки от Фаберже?

Крепенький коренастый боцман, будто бы сотканный из корабельных канатов, строго посмотрел на Карла Густавовича, а потом произнес, четко выделяя каждое слово:

– С тех самых пор, как мы буржуев в море утопили.

Взгляд его был настолько суров, что Карл Густавович тотчас осознал – следом за буржуями подоспеет и его черед. Еще в этот день в магазин заглянули два молодых человека, щеголевато одетых. В их манере держаться и говорить было что-то уркаганское. Бегло осмотрев витрину, они купили по золотому портсигару и по зажигалке из нефрита. Пересчитывая деньги, Карл Густавович невольно поймал себя на мысли, что опасается увидеть на протянутых купюрах следы крови. Однако Бог миловал. Но, даже положив деньги в сейф, он не мог отделаться от ощущения, что принимает участие в каком-то ограблении. Нынешнее время вносило свои коррективы, и у Карла Густавовича появилось устойчивое мнение, что таких покупателей с каждым днем будет все больше. За полчаса до закрытия магазина подошел полный человек лет сорока в драповом пальто и в каракулевой тяжелой шапке. Его лицо показалось ювелиру знакомым, возможно, это один из его прежних многочисленных клиентов. В руке он держал большой кожаный черный портфель, поцарапанный, с затертой кожей, какой обычно носят чиновники средней руки. Вещь еще не настолько старая, чтобы избавляться от нее, но и выйти в приличное общество с ней стеснительно. Так что ювелирный магазин был весьма подходящим местом, куда с ним можно заявиться без экивоков. Озираясь, мужчина щелкнул замками портфеля и выложил на прилавок несколько объемных пачек денег.

– Мне, пожалуйста, что-нибудь ценное... на всю сумму! И не такое большое... Чтобы не бросалось в глаза, – произнес он, понизив голос, словно опасаясь, что их могут подслушать.

– Насколько небольшое? – спросил Карл Фаберже.

– Такое, чтобы можно было положить в карман, – ответил мужчина в каракулевой шапке. Достав белоснежный платок, он вытер проступившие на лбу капли пота.

– Кажется, я понимаю вас... – пересчитав деньги, сказал Фаберже. – Я бы рекомендовал вам пряжку-аграф, – показал он на золотое изделие, украшенное мелкими бриллиантами. – Еще платиновую брошь с изумрудами или серьги с бриллиантами и сапфирами. Во все времена они пользовались неизменным спросом. Полагаю, что потребность в них не исчезнет и через сто лет.

Какое-то время покупатель зачарованно взирал на искрящиеся камни, а потом заговорил:

– Хорошо, беру! Сто лет мне не надобно, это будет чересчур... Вот если бы лет сорок, – мечтательно протянул он и быстро принялся укладывать изделия на дно портфеля.

– Постойте! А коробочки? – запротестовал Фаберже.

– До них ли теперь, Карл Густавович? – отмахнулся покупатель. – Деньги хочу сохранить, завтра они ничего не будут стоить! Как вы думаете, если положить их в карман, можно будет пронести через границу?

– Это как вам повезет, батенька, – развел руками ювелир. – На границе нынче очень строго досматривают. Могут отобрать! Хотя одна моя знакомая в бандаже провезла все свои драгоценности. Право! Не будут же они хватать даму за живот!

Покупатель ушел удрученный, очень хотелось верить, что ему повезет.

Уже перед самым закрытием в магазин завернули два унтера в запыленных шинелях. Одному было крепко за тридцать. Худой и выглядевший черным из-за густой щетины, выпавшей на его скуластом лице. Другому было лет двадцать пять. Озороватого вида, дерзко взиравший по сторонам, с гладко выбритой физиономией. Осмотрев витрины с золотыми и серебряными изделиями, они остановились перед посудой. Некоторое время солдаты молчаливо рассматривали изделия, вглядывались в цены, затем тот, кто постарше, произнес:

– Гражданин, покажите вот эти два прибора, – и указал на серебряные кубки.

– Вижу, что после Брестского мира на фронте стали пить за победу из кубков, – не удержавшись, съязвил Фаберже, протягивая приборы.

– То, что немцы не в Петрограде, уже хорошо, – буркнул молодой. – А ведь могло бы...

Отсчитав требуемую сумму, они удалились.

Клиентура поменялась. Собственно, как и время. К этому следовало как-то привыкать или хотя бы смириться, но все его существо, каждая клеточка организма протестовала против такого общения как могла.

Карл Фаберже подошел к окну, завешанному тяжелыми гобеленовыми порттьерами, и посмотрел на витрины противоположного дома, над которыми еще несколько дней назад висела вывеска «ОВЧИННИКОВ И СЫНОВЬЯ». Возглавлял эту компанию его старинный товарищ и коллега Петр Борисович Овчинников. Теперь на двери магазина висел огромный замок, а стекла были небрежно занавешаны каким-то тряпьем. Почти полсотни лет две самые известные ювелирные компании России шли рука об руку, конкурируя. Даже место для своих офисов выбрали рядом, на Большой Морской, чтобы следить за успехами друг друга. В таком беспрестанном соперничестве рождались новые идеи, тоньше и красочнее становился рисунок, изящнее эскиз. Выполненная работа поднималась на такую небывалую высоту, что у всякого, кто видел работу мастеров, невольно кружилась голова.

Теперь ювелирная компания «ОВЧИННИКОВ И СЫНОВЬЯ» закрылась. Петр Борисович сдался, Карл Фаберже остался один, быть может, во всем белом свете и оттого совершенно не чувствовал радости. Одному всегда тяжело.

В кабинет негромко постучали.

– Входите, прошу, – произнес Карл Густавович. Голос на последнем слоге как-то подсел, скатившись в противную хрипотцу.

Вошел Евгений, старший из его четверых сыновей. Он никогда не входил без стука в отцовский кабинет, так уж было заведено. Кроме таланта ювелира, он был еще отличный портретист и в последние годы вместе с отцом руководил делами фирмы.

– Папа, в последнюю неделю у нас практически не было никакой продажи.

– Я знаю, – устало проговорил Фаберже. – Но что поделаешь... Время сейчас такое.

– Вчера закрылись еще два ювелирных магазина: Борисяка и Ушакова.

– Мне и это известно, – хмуро обронил Карл Густавович, еще не понимая, куда клонит старший сын.

– После Февральской революции наши дела пошли из рук вон плохо! Все наши клиенты или съехали от всех этих потрясений в Крым, или перебрались за границу. А потом, кого будут интересовать алмазные диадемы, изумрудные ожерелья, золотая и серебряная посуда, когда вокруг царит одна разруха! Я тут встретил Самуила Амвросимовича...

– Он здоров?

– Не совсем... Три дня назад его ювелирную лавку ограбили какие-то бандиты. Он попытался воспротивиться, так один из грабителей ударил ему в лицо рукоятью пистолета и сломал нос.

– Боже мой... Он мужественный человек. Могло быть и хуже.

– Антикварный магазин на Невском, в доме компании «Зингер», знаешь?

– Разумеется, однажды я там покупал светильник на день ангела для твоей матушки.

– Вчера ночью на него совершили налет.

– Ужасно! – покачал головой Карл Фаберже. – И что же ты предлагаешь?

– Я предлагаю закрыться! Дня не проходит, чтобы не ограбили кого-нибудь из наших знакомых или друзей. Скоро очередь дойдет и до нас. И самое скверное, что некуда даже обратиться за помощью. Нынешняя власть грабит куда больше, чем какие-то бандиты. Они ведь забирают все имущество сразу, включая недвижимость, а те хоть стены оставляют...

– Женя, ты предлагаешь мне закрыться, чтобы люди подумали, что старый Карл испугался каких-то разбойников? – Брови Карла Густавовича гневно сомкнулись на переносице. – Вот что я тебе скажу... Как мы торговали, так и будем торговать!

– Папа, давай не будем делать вид, что ничего не происходит. Вокруг нас просто рушится привычный мир. И если мы еще немного промедлим, то нас просто раздавит под его обломками.

– Мы уже более года работаем после Февральской революции, и я не собираюсь сворачивать производство!

Евгений нахмурился. Отец бывал невероятно упрям, не хватит даже красноречия Цицерона, чтобы убедить его в обратном. Остается только набраться терпения и подождать, когда он наконец сам созреет до верного решения. Где-то его можно понять: больно наблюдать за тем, как валится в бездну дело всей твоей жизни! Вот он и ищет малейшую возможность, чтобы удержать производство на плаву.

– Хорошо, папа, поступай как считаешь нужным. Только я пришел к тебе не за этим. Тебя хотят видеть Эдвард Модестович и Константин Леонидович.

– Где они?

– В приемной.

– Что же они хотят? – насторожился Фаберже.

– Я не стал у них спрашивать, – пожал плечами Евгений, – возможно, дело какое-то деликатное.

Карла Фаберже и судовладельца Эдварда Модестовича Гюнтера связывала давняя дружба, без малого сорок лет. Они нередко семьями встречали праздники, вместе путешествовали по Волге. А трагические события последних месяцев еще более сблизили их. Гюнтер нередко высказывался о том, что съедет на родину предков, в Пруссию, где у него имелось внушительное поместье, если ситуация будет складываться прежним образом. С сахарозаводчиком Константином Кенигом Фаберже также был весьма близок. Особенно тесные отношения у него сложились с его отцом, основателем династии Леонидом Кенигом, почившим несколько лет назад. Его дело продолжил старший из сыновей – Константин, унаследовавший от отца практичный ум и крестьянскую смекалку. Производство сахара при его руководстве не только не приостановилось, а даже, наоборот, увеличилось вдвое, и теперь едва ли не в каждом губернском городе были открыты филиалы фирмы.

Последний раз Фаберже повстречал Константина Кенига в Министерстве финансов. Из недолгого разговора он узнал, что его склады в Поволжье и на Урале были разграблены толпой, и убытки теперь составляли десятки тысяч рублей. Никогда прежде Фаберже не видел Константина таким растерянным, и воспоминания о последней их встрече действовали на него весьма удручающе. Константин склонялся к тому, чтобы закрыть половину из существующих филиалов.

- Пускай войдут... Вот что, Женя, поприсутствуй при нашем разговоре.
- Хорошо, папа, – ответил Евгений и вышел в приемную пригласить гостей.

Первым вошел полноватый Эдвард Гюнтер, торжественно и как-то даже чинно внося в кабинет объемное брюхо, а следом за ним, будто бы протиснувшись в щель, протопал тощий Константин. Карл Фаберже невольно отметил, что старина Эдвард с их последней встречи значительно сдал. Густую широкую бороду длинными нитями разбивала седина, под глазами набухли черные мешки, каждый шаг давался ему тяжело, с заметной одышкой. Кожа на лице обвисла, собравшись книзу в большие складки, а глаза, полыхавшие прежде азартом, поблекли. Перед ним была всего лишь бледная тень его прежнего товарища – весельчака, жизнелюба, ценителя красоты, любимца женщин и просто великолепного собеседника.

Константин Кениг, несмотря на молодость, выглядел уставшим, как человек, долго поживший и много повидавший. Даже ростом как будто бы сделался пониже. После того как они обменялись рукопожатиями, Карл Фаберже предложил, указав на мягкие стулья подле стола:

- Садитесь, господа. У вас ко мне какое-то дело? Чем буду полезен?

– Карл Густавович, я с вами дружу уже не один год, – заговорил первым Эдвард Модестович. – И каждая наша встреча для меня как большой подарок. Но сейчас я к вам совершенно по другому поводу... – Фаберже ободряюще улыбнулся. В самом углу кабинета сидел старший сын и с отсутствующим видом рассматривал недавно вышедшую брошюру с ювелирными изделиями Эрмитажа, где отдельное место отводилось изделиям фирмы Фаберже. Евгений обладал одним немаловажным качеством – умел быть незаметным, когда того требовали обстоятельства. – Всем нам известна ваша безупречная репутация как ювелира и как человека. Ваша кристальная честность... Поэтому мы... Я и Константин Леонидович, – посмотрел он на Кенига, одобрительно кивнувшего, – решили обратиться к вам с одной деликатной просьбой...

– Я весь внимание, друзья мои, – слегка подался вперед Карл Фаберже. – Говорите, что вас беспокоит?

Положив на стол небольшой чемоданчик, который держал в руках, Гюнтер продолжил:

– Мы бы хотели передать вам на хранение некоторые наши ценности. Сами знаете, времена нынче беспокойные. Только на Волге были потоплены три моих судна. А самое удивительное, что я даже не знаю, с кого спрашивать за ущерб. Да-с... Никто ни при чем! Но самое ужасное, что вместе с пароходами погибли люди. За них тоже никто не несет ответственности. Я отправил в Министерство финансов значительную сумму, чтобы ее выплатили семьям пострадавших, но она самым странным образом куда-то исчезла, – удивленно развел он руками. – Мне сказали, что на министерство был совершен налет. Тогда я решил сам отыскать деньги, но все документы находятся в таком невероятном беспорядке, что совершенно невозможно разобраться.

– Да, я вас понимаю, дорогой мой Эдвард. Я сам нахожусь примерно в таком же положении, – с грустью произнес Карл Фаберже.

– Сейчас в Петербурге очень непростая ситуация. Дня не проходит, чтобы кого-то не ограбили, а то и не убили. Когда же такое было, Карл Густавович!

– А такого и не было никогда, Эдвард Модестович. Так что вас привело ко мне?

– Нам известно, что у вас имеется какой-то очень надежный сейф, какого не встретишь даже в императорских банках.

– Да, это так, – не без гордости ответил Карл Фаберже. В вопросах безопасности ювелир был невероятно щепетил. – Должен же я оберегать свое состояние и стеречь интересы своих клиентов.

– Все так, Карл Густавович, поэтому мы к вам и обратились... Не могли бы вы поместить в него наши фамильные драгоценности, пока не уляжется вся эта неразбериха с властями?

– И сколько же вы отводите новой власти?

– Уверен, что это ненадолго. Может быть, месяца три-четыре... Максимум полгода! А потом все будет как прежде. Вот только мы опасаемся, что за эти несколько месяцев можем стать нищими, если не позаботимся заблаговременно о сохранении своих средств.

– К сожалению, я не разделяю вашего оптимизма, – с грустью произнес Карл Фаберже. – Большевики могут продержаться и больше, уж слишком яростно они цепляются за власть. Но буду рад вам помочь. Вы подготовили имущественные записи? – по-деловому поинтересовался ювелир.

– Да, разумеется. – Открыв чемодан, в котором аккуратно были уложены коробочки, Эдвард Модестович вытащил несколько листочков, лежавших сверху, и протянул их Фаберже: – Вот это опись.

– Да, вижу... Весьма подробно, – пролистал ювелир написанное. – Вы постарались... С некоторыми вещами я хорошо знаком, вы мне их показывали, а вот эти, – ткнул он в напечатанные строки, – делали мои мастера.

– Именно так, Карл Густавович, – охотно откликнулся судовладелец. – Вот это шифр фрейлины, моей матушки, – приподнял он небольшую бархатную коробочку зеленого цвета, – делал ее Михаил Перхин.

– Талантливый был человек, – с грустью отозвался Фаберже, вспомнив своего рано ушедшего друга.

– А этот папиросник с сапфировой застежкой делал Альфред Тилеман. А эту вещицу, – приподнял он нефритовый набалдашник для трости, украшенный эмалью и драгоценными камнями, – Август Хольминг.

– Все так, – согласился Карл Густавович.

– Предметов много, триста двадцать четыре единицы. Вы сами все это увидите. – Гюнтер бережно положил пальцы на деревянный футляр из красного дерева.

– Оценкой занимается мой Евгений, – кивнул Фаберже в сторону сына, листавшего брошюру, – он великолепный оценщик. Но вы сами в какую сумму оцениваете ваши драгоценности?

– Я тут разговаривал со своими ювелирами, – чуть смущенно произнес судовладелец. – Полагаю, что не менее чем на полмиллиона рублей золотом. Напротив каждой из вещей стоит предполагаемая сумма. Вы можете сами убедиться, я ни в коем случае не завышал.

– Да, дорогой Эдвард Модестович, мы посмотрим и оценим. Пришлите завтра своих юристов, мы заверим все нотариально.

– Хорошо, Карл Густавович, – с видимым облегчением отозвался Гюнтер. Его полноватое лицо в этот момент значительно просветлело, обозначив в уголках глаз веселые морщинки.

– А ты, Женя, займись оценкой вклада.

– Хорошо, папа, – охотно отозвался Евгений Фаберже.

– А вот это мои семейные драгоценности, – поставил Константин Кениг на стол объемный пузатый портфель. – С большей частью из них вы знакомы. Вы ведь с моим покойным батюшкой были большие друзья.

– Именно так, – живо откликнулся Карл Фаберже. – А еще он был одним из моих постоянных клиентов.

– Большая часть ваших изделий теперь вот в этом чемодане. В нем же находится подробнейшая опись.

– Можете не беспокоиться, они будут находиться в моем сейфе под постоянным надзором. Дверь и стенки настолько крепкие, что открыть их просто невозможно. Кроме того, сейф находится под высоким напряжением.

– Очень на это надеюсь. Хотелось бы верить, что вся эта неразбериха побыстрее закончится, и я смогу заняться своим любимым делом... – Вздохнув, Кениг продолжил: – Хотя в настоящее время это совершенно невозможно. На Урале и в Поволжье разграбили все мои

склады! Ущерб составляет сотни тысяч рублей. Предстоит не один год усиленной работы, чтобы хоть как-то заделать дыры в бюджете. А позавчера на моем заводе в Нижнем Новгороде разбили швейцарское дорогое оборудование, которое с таким трудом я перевозил из Берна. Можно сказать, что завод прекратил свое существование. В Москве подожгли фабрику и вытащили под шумок весь сахар. Я просто обязан думать о завтрашнем дне! В нынешнее время не так много людей с такой безупречной репутацией, как у вас, Карл Густавович. А потом вы ведь были другом моего батюшки...

– Не беспокойтесь, Костя, мы сделаем все необходимое, чтобы сохранить ваши драгоценности в целостности. Пришлите человека, чтобы мы могли вместе осуществить оценку ваших драгоценностей и оформить хранение официально. Знаете, люблю, чтобы в каждом деле был надлежащий порядок.

– Очень хорошая черта, Карл Густавович, поэтому вам и доверяют люди. Мой батюшка был о вас самого высокого мнения.

– Я очень часто вспоминаю вашего батюшку. Знаете, ведь он был невероятный шутник. – Выцветшие глаза старого Фаберже вспыхнули юношеским азартом – он был рад хоть на мгновение оказаться в плену своих воспоминаний. – Лет двадцать назад он собирался ехать на лечение в Африку и как-то спросил меня, чего бы я хотел, чтобы он привез мне оттуда. Ну, я возьми и скажи ради смеха – привези мне жирафа! И вот где-то через полгода сижу я здесь на втором этаже в своем кабинете, а тут ко мне дворник вбегает и говорит, что ему «никак не пройти в ворота. Яму нужно копать». Я совершенно не понимаю, о чем идет речь, спрашиваю его, что он хочет сказать? А он мне показывает на потолок и говорит, что этот пятнистый выше потолка будет. Вам бы, говорит, барин, самому посмотреть надобно. Открываю окно, а перед подъездом народу собралось видимо-невидимо, а в самом центре толпы стоит пятнистый жираф и в окно ко мне заглядывает. Вот такой шутник был ваш батюшка... Если чего-то пообещает, так непременно исполнит. А что мне было делать с этим жирафом? В самом деле, не яму же копать в воротах! Вот я и отправил его в зоологический сад Гельсингфорса.

– Да, я помню эту историю, – рассмеялся Константин. – Батюшка любил пошутить.

– А знаете, мне очень его не хватает. Да-с! Он был необыкновенно мудрым. Очень бы хотелось услышать, что он думает обо всей этой катавасии, приключившейся с Россией.

– Думаю, он не сказал бы ничего хорошего. А теперь позвольте нам откланяться, – произнес Кениг. – Наверняка у вас еще немало дел. Да и нам нужно собираться. Жена отъезжает в Ригу, а к Эдварду Модестовичу племянник приехал.

– Что ж, не смею вас больше задерживать, – поднялся Карл Фаберже.

Проводив гостей до дверей, Карл Густавович вернулся к письменному столу, на котором лежали чемодан и объемный портфель. Вот отыскался еще один повод для беспокойства. Фаберже внимательно прочитал опись драгоценностей. Выходило немало. На весьма внушительную сумму. Разуверившись в честности государства, петербуржцы приносили Фаберже свои сбережения, полагая, что в его доме они будут под большей охраной, чем в кирпичных подвалах банков.

– Я сейчас пройдуся немного, – обратился Карл Густавович к сыну, – а ты проверь все драгоценности, сравни их с описью, а потом пригласи Отто Францевича, занесите их в бухгалтерию и отнесите все в сейф.

– Хорошо, папа.

– На какую сумму в Петроградском филиале ценностей?

– Этим вопросом я занимаюсь всю последнюю неделю. По нашим оценкам, это где-то семь, может быть, даже восемь с половиной миллионов рублей золотом. Три миллиона будут уставным фондом нашей фирмы. А еще четыре или пять с половиной – это ювелирные изделия от частных лиц, переданные на хранение.

– Немало, – скупно произнес Карл Фаберже и, взяв в углу комнаты свою любимую трость из черного коралла с золотыми вставками, вышел из кабинета.

На улице, несмотря на июльскую пору, было невероятно свежо. Со стороны Финского залива дул стылый порывистый ветер, то и дело норовивший сорвать шляпу, пакостно задира пол сюртука и намеревался остудить спину. Небо, стусившись в серую пелену, едва пропускало тусклый солнечный свет. Улица, лишенная привычных вывесок и витрин, выглядела унылой. Вода в Мойке налилась свинцом, по ее поверхности плавали листы размокшей бумаги, обрывки картона, куски досок, тряпки. Цепляясь за гранит, они образовывали у берегов значительные скопления, а потом, подхваченные быстрым течением, плыли дальше бесформенными рыхлыми островами. Вытянувшись в длинную цепь, проплывали бревна. Река была захламлена, чего с ней не случалось в прежние годы. Фаберже отошел от парапета, удрученный развернувшейся картиной. Оживленно выглядел лишь Главный штаб, куда через арку то и дело подъезжали грузовики с вооруженными людьми. Нестройными рядами, разбивая коваными каблуками брусчатку, бойко топали солдаты. Полное ощущение неразберихи и чего-то невероятно трагического.

Карл Густавович прошел мимо здания Азовско-Донского банка. Покосившуюся входную дверь насаживали на петлицы двое мастеровых. Громоздкая, сделанная из мореного дуба, она, как пойманная рыба, билась в их крепких руках и не желала становиться на место. Мастеровые, глухо матерясь, сдаваться не собирались и упрямо прилаживали ее к косяку.

Дом Чичерина, в котором проживал его старинный приятель Степан Петрович Елисеев, выглядел нежилым. В окнах первого этажа он рассмотрел два отверстия от пули, а на белом фасаде, прежде радовавшем глаз своими колоннами, было выведено коряво красной краской: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!» На углу под многогранным медным колпаком стояла афишная тумба, на которой был приклеен плакат с блистательной Верой Холодной. Последний раз Фаберже виделся с ней три месяца назад, незадолго до ее отъезда в Одессу. Тогда она просила его принять на хранение изумрудное кольцо и любимую диадему, подаренную великим князем Сергеем Михайловичем. Карл Густавович не только не принял у нее драгоценностей, ссылаясь на смутные времена, но даже уговорил забрать у него из сейфа и другие, положенные месяцем ранее. Вняв аргументам ювелира, актриса забрала все украшения и отправилась на съемки на Черноморское побережье. Что же в таком случае заставило его принять ювелирные украшения у своих друзей?

Карл Густавович прошел мимо доходного дома Лауферта. В прежние дни многолюдный, с без конца шастающими туда-сюда повозками, сейчас он казался вымершим. Лишь со второго этажа на него боязливо посматривала какая-то старуха в цветастом платке, а у самой двери пожилой дворник-татарин соскребал с тротуара налипшую грязь. Черной краской на стене было написано: «СМЕРТЬ БУРЖУЯМ!» А рядом нарисована какая-то щекастая голова с высоким цилиндром на самой макушке. На этот раз безымянный автор выразился более категорично.

Дальше шел «Русский для внешней торговли банк». С управляющим банка у Карла Густавовича сложились приятельские отношения. Именно в этот банк, руководствуясь в первую очередь патриотическими соображениями, сразу после начала боевых действий Фаберже перевел все свои средства из Западной Европы. До войны учреждение замыкало тройку крупнейших финансовых институтов империи, имевших более ста филиалов по всему миру. Планировалось, что в семнадцатом году банк сольется с Международным и Русским торгово-промышленным банками. Однако этого не произошло. Едва ли не сразу после октябрьского переворота «Русский для внешней торговли банк» был национализирован большевиками. Не однажды Карл Густавович наблюдал ужасную сцену, как по утрам к банку выстраивалась длинная очередь из прежних вкладчиков в надежде спасти хотя бы крохи былого состояния. Оживление, столь присущее этому банку в прошлые годы, разом сошло на

нет, парадный вход был пуст и уныл, а те немногие, что проходили в здание, вряд ли принадлежали к заводчикам и промышленникам.

Из-за здания вышел мужчина лет сорока, в котором Карл Фаберже узнал Валерьяна Ерошука, уволенного работника. Тот никуда не спешил и, опершись спиной о стену, смотрел на ювелира. Внутри неприятно зашевелились опасения: «Что же ему от меня надо?»

– Карл Густавович, – услышал Фаберже рядом чей-то голос.

Повернувшись, он увидел молодого мужчину лет тридцати пяти в обыкновенной гимнастерке без погон и до блеска начищенных сапогах. Он не сразу признал в нем приятеля своего старшего сына Евгения, Аркадия Старыгина. Происходивший из семьи военных, Аркадий не сомневался в своем дальнейшем выборе и поступил в юнкерское училище, которое окончил незадолго до Русско-японской войны, и после службы в лейб-гвардии был направлен в Маньчжурию, откуда вернулся после двух ранений и с орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. На Первую мировую он отправился одним из первых, отклонив всякие протекции по трудоустройству в Генеральном штабе. За время войны он трижды побывал в краткосрочном отпуске, не позабыв навеститься в гости. И Фаберже всякий раз удивлялся переменам, происходившим как в его внешности, так и в характере. Румянец на его щеках спал и зарос густой русой щетиной, голос значительно погрубел, в нем появилась хрипотца, какая случается лишь от крепкого табака и холодного спирта. В последний раз на его плечах были погоны подполковника, но быстрая карьера, как нередко случается во время войны, его совершенно не радовала. Он выглядел уставшим, каким бывает человек, много переживший и немало испытывавший.

Теперь Карл Густавович подивился в очередной раз – Аркадий предстал перед ним в обыкновенной солдатской выцветшей гимнастерке.

– Аркадий? – невольно удивился Фаберже.

– Он самый, Карл Густавович. Узнали?

– Ты изменился.

– Зато вы совершенно не меняетесь. Вижу, вы удивлены? Хотя в наше время еще и не такие превращения случаются. Сейчас я красногвардеец и вот что хочу вам сказать, могло быть еще хуже. Большая часть офицеров, с которыми я прежде служил, была расстреляна по решению солдатских комитетов. А меня, знаете ли, решили оставить в живых... Учили доблесть и бесстрашие, как они сказали. Потом, по решению солдатского комитета, принял роту. Что мне оставалось делать? Пулю, что ли, в лоб получать? – Сникнув, Аркадий добавил: – А смертей я насмотрелся предостаточно. Как Женя? С ним все в порядке? Знаю, что он уехал в Лондон.

– Вернулся. Сейчас живет здесь. Женился...

– Мои поздравления! А я вот как-то все не удосужился. Хотя до этого ли сейчас, не знаю, что завтра со мной будет.

– Может, зайдешь к нам? Мы все тебе будем рады. Я накажу испечь твои любимые расстегаи.

– Не могу! Как-нибудь в другой раз. Зашел к своим буквально на несколько минут, мне опять нужно уезжать.

– И куда же?

– На фронт, на войну с белочехами. Куда же еще военному человеку? Хотя предложили еще одну работу... Думаю!

– Не знаю, что и сказать...

– А вы ничего не говорите, Карл Густавович, наслушался я за это время разных утешительных слов. Я-то думал, что вы уехали за границу.

– Мне не от кого бегать, Аркадий, на своей родине живу.

– Все так, но многие уехали. Мои вот собираются в Финляндию... Мне терять особенно нечего, с моей службой состояния не наживешь, а вот вам следовало бы. Да и побезопаснее будет как-то. Видите, что вокруг творится!

– Чего же мне бояться, поставщику высочайшего двора и придворному ювелиру императора всероссийского? – удивился Карл Фаберже. – Я вне политики.

– Вне политики, говорите... Не будьте так наивны, Карл Густавович... Высочайшего двора, говорите, – нахмурился вдруг Аркадий. – А ведь нет больше высочайшего двора! И Николая II тоже больше нет!

– Как «нет»? – похолодел Карл Густавович.

– Никого из них в живых не осталось!

– О чем ты таком говоришь, Аркадий?

– Так вы еще не знаете? – удивился Старыгин. – Несколько дней назад царя вместе с семьей расстреляли в Екатеринбурге. И царицу, и наследника, и дочерей. Всех!

– Не может быть! – прошептал Фаберже.

– Может, Карл Густавович, еще как может! В наше смутное время все возможно. Так вы не знали? – повторил он, глядя в помертвелое лицо старика. – Хотя да, конечно, эту весть пока держат в секрете. Но скоро о ней заговорят все. Может быть, даже в своих газетенках напишут, они любят печатать расстрельные списки, – с какой-то затаенной иронией произнес Аркадий. – А вы говорите «придворный ювелир императора всероссийского»! Нет более императора! Царя не пожалели, а что говорить про иных, – как-то обреченно махнул он рукой. – Вытащив из кармана серебряные часы брегеты, возможно, единственную вещьцу от офицерского прошлого, торопливо проговорил: – Ох, мне ведь идти уже нужно. Новая власть тоже не любит, когда опаздывают. Могут не простить. Передавайте привет вашим домашним. И берегите себя, Карл Густавович, может, еще и свидимся. Кто знает, как оно повернется. – Бодро кивнув на прощание, Старыгин заторопился в сторону Генерального штаба.

К дому Карл Густавович возвращался тяжелым шагом, продолжая надеяться, что убийство царской семьи – всего-то один из тех тяжелых слухов, коими были заполнены все базары и людные места Петербурга.

Августа Богдановна, увидев осунувшегося мужа, предложила ему чаю, но, натолкнувшись на потухший взгляд, немедленно отступила. У кабинета Карла Густавовича встречал старший сын.

– Женя, ты знаешь, что царя...

– Знаю, папа, – тихо ответил тот. – Мне известны даже некоторые подробности...

– Расскажи, что там было.

– Его убили в подвале Ипатьевского дома.

– Николай Николаевич Ипатьев – мой хороший знакомый, мы с Сашей останавливались у него в позапрошлом году.

– Я помню. Его выселили из этого дома, когда там поместили семью Романовых. А когда их всех расстреляли, ключи от дома ему вернули. Но жить в нем он, конечно же, не стал.

– Боже мой!

– Наследник не мог идти, так Николай Александрович снес его в подвал на руках, где их и расстреляли...

– Все... Не надо больше никаких подробностей, – глухо проговорил Карл Фаберже. – Ты спрашивал, когда мы будем сворачивать наше дело? Так вот, я тебе отвечу, если мы не сумеем оградить от неприятностей нашу семью и не сумеем добиться от новой власти гарантий уберечь наше дело, мы сворачиваемся немедленно и уезжаем.

– Папа, я не могу просто так уехать и все оставить, – возразил Евгений.

– Оставлять не нужно... Нужно будет завершить дела, а после этого ты отправишься за мной следом.

Глава 4. Плеть, висящая на стене

Июль 1918 года

На следующий месяц по Васильевской стороне прокатилась волна ограблений. Только за одну ночь было ограблено шесть ювелирных магазинов.

Грабили нагло, быстро, со знанием дела. Разбивали стекла витрин, скидывали в холщовые мешки выставленные в них украшения и с поклажей в руках скрывались в легковом автомобиле. В двух последних случаях не обошлось без смертоубийства. В первом случае погиб хозяин ювелирной лавки Самуил Яковлевич Фридман, выскочивший на шум, раздавшийся в зале, а во втором был убит приказчик, бросившийся на грабителей с кочергой наперевес.

Дело под свой контроль взяла петроградская ЧК, тем более что грабители представлялись сотрудниками Чрезвычайной комиссии. Василий Большаков побывал на месте преступления и тщательно допросил свидетелей. Все сводилось к тому, что действовала банда из четырех человек. Но странным выглядело то, что накануне ограблений в ювелирный магазин заходила привлекательная молодая женщина, которая мерила понравившиеся украшения, обещала зайти в следующий раз, но так и не объявлялась. Ее появление могло быть простым совпадением, но вполне возможно, что именно она была наводчицей. Один из приказчиков Самуила Фридмана оказался неплохим художником и, посидев минут пятнадцать над листком бумаги, нарисовал ее портрет, который позже опознали и в других ювелирных магазинах. Именно к ним незадолго до ограбления приходила эта женщина.

Красивая, роскошно одетая, она невольно обращала на себя внимание, и в ювелирном магазине ей не было отказа, приносилось все самое изысканное. Купив какую-нибудь безделушку, она просила отложить для нее понравившиеся украшения. Вот только после этого ее никто так ни разу и не дождался – украшения крали в ту же ночь после ее визита.

Оставшись в своем кабинете, Большаков развернул нарисованный портрет. За последние несколько дней он разворачивал его особенно часто, отчего тот успел затереться на краях. С листа бумаги на него смотрело привлекательное лицо, и чем внимательнее Василий всматривался в тонкие аристократические черты, тем сумрачнее становился. Эту женщину он знал.

Дверь кабинета широко распахнулась, и в проеме предстала фигура заместителя председателя петроградской ЧК Глеба Бокия.

– Что-нибудь нарыл об ограблении ювелирных магазинов?

– Кое-что имеется, товарищ Бокий, – живо отозвался Большаков. – Похоже, это одна банда. Действуют нагло, беспощадно. К делу хорошо готовятся, не оставляют никаких следов. Но они не из «жиганов», у меня есть в этой среде осведомители, об этой банде никто ничего не слышал. Главным у них молодой мужчина лет тридцати, очевидно, из бывших офицеров. А наводчица – скорее всего, женщина.

– Что ж, это уже кое-что... А сейчас вот что, Василий, отправляйся на Монетную, двадцать три, проведи обыск в квартире Лепнина, из бывших кадетов. Есть данные, что готовится мятеж.

Большаков поднялся и, взяв со стола фуражку, вышел следом за Бокием.

После первого же ограбления, случившегося на Большой Морской, Карл Фаберже организовал в доме усиленную охрану. Теперь с закрытием магазина у фасада дома с оружием в руках несли караул два милиционера. Внутри здания, рассредоточившись по двое на каждом этаже, несли круглосуточную вахту слуги, вооруженные револьверами. Так что драгоценности, находившиеся в бронированном сейфе, могли чувствовать себя в значительной безопасности.

Худшее случилось в конце июля, когда произошел обыск в ювелирном магазине купцов Марковых. Чекисты старательно связали богатое добро в большие холщовые мешки, аккуратно уложили в грузовик, а потом укатали.

Много позже до Карла Фаберже докатился слухок, что под видом чекистов действовали налетчики.

В начале июля был ограблен склад с мануфактурой, располагавшийся по соседству. Налетчики, кроме дорогих тканей, уложенных в огромные тюки, унесли три десятка собольих и песцовых шуб. В ходе недолгого разбирательства сыскным отделением было установлено, что один из налетчиков служил в петроградской ЧК. Однако установить его местопребывание не удалось, он как будто бы растворился в воздухе.

В сентябре, уже не таясь, чекисты в кожаных куртках стучались в квартиры и конторы зажиточных граждан, проводили обыск и «для охраны революционного порядка», ссылаясь на постановление Петроградского совета, конфисковывали деньги и драгоценности. В доме фабриканта-золотопромышленника Подгорского Антона Каземировича добра оказалось столь много, что его вывозили на трех грузовиках, заполненных до самых бортов. А фарфоровые китайские вазы семнадцатого и восемнадцатого веков, оказавшиеся в особняке в невиданном количестве, как особо хрупкую вещь перевозили на экипажах с большим бережением.

Следующим днем чекисты наведались в дом Генриха Эйферса, соседа и доброго приятеля Карла Фаберже. Вели себя по-хозяйски неторопливо и покинули его только в сумерках, когда из здания была вынесена последняя серебряная ложка. Особым предметом гордости экспроприации была итальянская мебель, заказанная хозяином год назад. Еще через день был ограблен пятиэтажный дом Ивана Лидваля, занимавшегося пошивом одежды. Чекисты во главе со взводом солдат вынесли не только мебель, но даже совки и метлы, хранившиеся во дворе здания.

Причем дом Лидваля за последний год был ограблен трижды. Первый раз это случилось десять месяцев назад, когда налетчики разграбили павильон для фотографий «Рейсерт и Флиге», размещенный на первом этаже здания. Во второй раз это произошло полгода назад, когда было разорено общество «Русские самоцветы», в котором располагался ювелирный магазин, размещавшийся по соседству.

Отпустив прислугу, стол накрывала сама хозяйка, милейшая Августа Богдановна Якобс, жена Карла Фаберже. Женщина добродетельная, терпеливая, прощавшая мужу некоторые мужские слабости. Вместе с ней он вырастил четверых сыновей, которые должны были преумножить славу дома Фаберже. В ее обществе он всегда был счастлив и благостен, чего никогда не скрывал. Так уж повелось в семье Фаберже, что в жены они брали исключительно рижанок. И Карл Фаберже не отступил от давней традиции, женившись на Августе Якобс, старшей дочке придворного краснодеревщика Богдана Якобса, потомка знатнейшего шведского рода.

Пододвинув мужу фарфоровую чашку, она налила в нее крепкого душистого чая, каковой Карл Густавович обожал.

– А вот это твой любимый липовый мед, – пододвинула она небольшую чашку с янтарного цвета медом.

– Благодарю, – буркнул Фаберже и потянулся за куском пирога, лежавшим на голубом блюде.

Евгений сидел по правую руку от отца и, слегка постукивая маленькой серебряной ложечкой по фарфоровой чашке, размешивал кусковой сахар. Выглядел он весьма задумчивым. За столом не было привычного оживления, только хозяйка, понимая настроение хозяина, осыпала его домашними новостями, до которых ему не было никакого дела. С ее слов выяснилось, что кухарка Груня скоро должна родить (странно, что он прежде не замечал ее беременность, а ведь проходил мимо нее едва ли не пять раз на дню). Дворник Ибрагим вдруг заболел, и сейчас

двор подметает его племянник, тоже расторопный малый. А у горничной Ксении вернулся с фронта покалеченный муж, оторвало левую ступню. Но зато живой...

Казалось, что новости будут литься на Карла Густавовича бесконечно. Он лишь шумно отпивал из блюдечка и как-то зло заедал напиток сдобным пирогом с капустой.

– Я тут видел Ивана Борисыча Лидваля, – вдруг глухо заговорил Фаберже, поставив на стол пустую чашку. Евгений перевел взгляд на отца. – Столкнулись мы с ним в банке. Он как раз выходил, а я туда направлялся... Рассказал, что у него в доме большевики все выгребли подчистую! Даже спичек не оставили, чтобы камин распалить. Открыл он свой портсигар, чтобы папироску с горя выкурить, так проходивший мимо солдат и этот портсигар реквизировал. А он был подарен покойной супружницей... Едва ли не единственное, что от нее осталось... Когда он мне все это говорил, у него слезы на глазах наворачивались. Думал, заплачет... Но нет, выдюжил!

– Да, нелегко ему... А в банк он по какому делу заходил? – спросил Евгений.

Аппетита у него тоже не было, жевал больше по обязанности. Вкуса любимого шницеля, заботливо приготовленного матушкой, почти не ощущал.

– Позвонили ему из банка, сказали, что у них имеется какое-то важное дело, – ядовито хмыкнул Карл Густавович. – Ведь фабрику его национализировали. Думал, что хотя бы дадут компенсацию, ведь там столько построек, а сколько земли! Так что вы думаете? Вместо денег они подсунули ему на подпись какую-то бумагу, в которой было написано, что он не имеет к банку никаких претензий!

– И что же Иван Борисович?

– Ты же его знаешь... Он весьма деликатный человек. Поблагодарил за оказанную любезность и вышел вон!

Уверенно отрезав небольшой кусок от шницеля, Евгений заметил:

– Честно говоря, даже не знаю, кого следует больше бояться: налетчиков или чекистов.

– Больше следует бояться чекистов. Они забирают все до последнего гвоздя на какие-то там свои революционные нужды. А налетчики хоть чего-то оставляют, – буркнул Карл Густавович. – Августа, дорогая, налей мне, пожалуйста, еще чашечку чая, и обязательно с долькой лимона. А пироги хороши! – неожиданно улыбнулся он и добавил: – Есть хоть какая-то отрада в этой жизни.

– Но ведь чекисты как-то борются с преступниками и налетчиками, – возразила Августа. – Мне все время вспоминается семнадцатый год, когда и на улицу нельзя было выйти. Одна пальба! А сейчас хоть какой-то порядок восстановился.

К Евгению возвращался утраченный аппетит, отрезав очередной кусок мяса, он быстро его сжевал и заговорил:

– Матушка, а вы думаете о том, зачем они ловят этих бандитов? Чтобы не делиться! Конкурентов своих отлавливают. Потому что чекистам от каждой экспроприации, как они изволят выражаться, поступает двадцать процентов. В действительности, я думаю, что и больше... Какой же ненормальный будет потом пересчитывать все то, что у него изъяли, а потом еще и возражать им? Ведь за такое они и к стенке могут поставить! А еще полагается от изъятого пять процентов осведомителю, что навел их на богатого клиента. Так что быются они за каждый рублик! Просто одни бандиты, прикрываясь законом, обезвреживают других бандитов. Но нам, собственно, от этого не легче.

– Мы не можем работать в сложившихся обстоятельствах, нам нужны какие-то гарантии безопасности и защиты.

– Папа, ты все-таки еще думаешь вернуться к работе?

– Видно, я неисправимый оптимист. Попробуем еще раз... Если от налетчиков мы все-таки сумеем отбиться, то как в таком случае отбиться от новой власти? Кто у них там в ЧК главный?

– Держинский. Заместитель – Петерс.
– А кто в петроградской ЧК?
– А петроградскую ЧК возглавляет Урицкий...
– Что ж, завтра же пойду к этому самому Урицкому. Знаешь что, Августа, у тебя просто великолепные пироги!

Петроградская ВЧК размещалась на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта, уходящего прямым лучом от здания Адмиралтейства. В прежние времена пересечение было шумным, оживленным. По тротуару без конца сновали толпы прохожих, одетых в нарядные одежды, по дороге разъезжали редкие автомобили, слышался рассерженный звук клаксонов, громыхали экипажи, покрикивали извозчики. Но за прошедший год переулочек как-то сразу посерел, а стук каблуков по брусчатке наполнился каким-то зловещим звучанием.

Проехав Адмиралтейский проспект, машина вывернула на Гороховую.

– Останови здесь, – сказал Карл Фаберже водителю.

Машина остановилась недалеко от входа. Водитель, опасливо поглядывая на упакованных в тугие кожаные куртки людей, выходящих из здания, невесело спросил:

– Может, вас проводить, Карл Густавович, а то ведь...

– Никаких «а то ведь» не будет, – нахмурился Карл Густавович, – я политикой не занимаюсь. Мое ремесло – красота! Жди меня здесь.

Он распахнул дверцу и вышел из машины. Затем, горделиво распрямив спину, уверенно зашагал в сторону распахнутой двери, слегка опираясь на тонкую упругую трость.

– Вы к кому? – спросил красноармеец, стоявший у входа.

– Я к Урицкому, – сказал Фаберже, стойко выдержав любопытный взгляд.

– Тогда вам по коридору и наверх, – немного потеснившись, пропустил старика часовой.

Поблагодарив его легким кивком, Карл Густавович прошел в здание.

– Мне бы к начальнику ЧК, не подскажете, как к нему пройти? – остановил он молодого человека лет двадцати пяти в затертом матросском черном бушлате. Через плечо на двух узких ремнях висела деревянная полированная кобура, из которой выглядывала темно-коричневая ручка маузера.

Моряк озорно посмотрел на Фаберже и весело спросил:

– Уж не сдаваться ли ты, батя, пришел? Грешки не дают спать по ночам? Так тебя здесь быстро подлечат.

– Я по личному вопросу, – не разделил Фаберже веселости морячка.

– Понятно, – хмыкнул тот. – А сюда по другим вопросам и не приходят... своими ногами. Иначе бы привели, ха-ха! Небось за своего сынка-офицера пришел заступаться?

– Дыбенко! – строго крикнул матросу человек в шинели, стоявший у входа. – Собирай народ! На английское посольство напали не то бандиты, не то какие-то анархисты!

– Третья дверь направо! – бросил матросик и побежал к выходу, придерживая ладонью болтавшуюся кобуру.

– Черт знает что! – недовольно буркнул Карл Фаберже и зашагал дальше по коридору, постукивая металлическим концом трости.

На указанной двери табличка отсутствовала, место, где полагалось ей находиться, было густо покрашено темно-коричневой краской. Карлу Густавовичу доводилось бывать ранее в этом здании. Прежде на Гороховой, 2, размещался кабинет Федора Федоровича Трепова, занимавшего должность санкт-петербургского градоначальника, с которым он был лично знаком. Федор Федорович был человеком закрытым, умел держать людей на расстоянии, что при его работе неудивительно. Вокруг его персоны всегда циркулировала масса слухов. Сразу после назначения его градоначальником на него при весьма загадочных обстоятельствах неожиданно свалилось огромное состояние. Не без причин стали поговаривать о том, что он являлся неза-

коннорожденным сыном германского императора Вильгельма I, с которым его матушка состояла некогда в романтических отношениях. Во всяком случае, сходство между ними было просто поразительное!

В этом же здании в градоначальника стреляла Вера Засулич.

Немного позже в его кабинете размещался подполковник Георгий Судейкин, убитый каким-то заговорщиком на конспиративной квартире. Теперь этот кабинет занимал председатель петроградской ЧК Урицкий. Выявлялась весьма скверная закономерность: как бы чего дурного ни произошло и с этим представителем власти...

Карл Густавович потянул на себя дверь и оказался в небольшой приемной.

– Мне к Урицкому, – обратился он к секретарю в застиранной гимнастерке.

– А кто вы, собственно, будете? – с интересом спросил тот, разглядывая представительного посетителя.

– Купец первой гильдии Карл Густавович Фаберже.

– Тот самый? – удивленно спросил юноша.

– Тот самый, – сдержанно ответил Фаберже.

– Сейчас поинтересуюсь.

Энергично поднявшись, секретарь вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь. Отсутствовал он недолго, вышел через минуту и произнес:

– Проходите, товарищ Урицкий ждет вас.

– Прекрасно!

Постучавшись в дверь, глухо отозвавшуюся, Карл Густавович вошел в кабинет:

– Разрешите? – спросил он у хозяина кабинета, сидевшего за большим столом, покрытым зеленым сукном. На вид тому было лет сорок пять, на крупном носу, слегка загибавшемся книзу, держались очки в золоченой оправе. Лоб высокий, выпуклый, с неглубокой длинной морщиной. Волосы густые, черные, волнистые, зачесанные назад. Одет он был с подчеркнутой аристократичностью: на узеньких плечах сюртук английского покроя из тонкой шерсти, под воротником белой рубашки темно-синий галстук, повязанный крупным узлом. Он не производил впечатления человека волевого или жестковатого, во всяком случае, на первый взгляд трудно было поверить, что фамилия этого человека нередко стояла под расстрельными списками.

Едва Карл Фаберже переступил порог, как его встретили внимательные большие глаза интеллигентного человека, какие могут быть только у воспитателя гимназии.

– Вы ко мне? – спросил хозяин кабинета.

Всей своей внешностью, манерами, легкой, слегка смущенной улыбкой, он никак не укладывался в понятие «чекист», о которых столько разного и далеко не самого приятного говорили в последние месяцы. Его можно было бы представить управляющим банка, адвокатом, на худой конец приказчиком крупного ювелирного магазина, но уж никак не председателем петроградской ЧК.

– Вы Урицкий Моисей Соломонович? – удивленно спросил Карл Фаберже.

– Он самый. А вы к кому, позвольте полюбопытствовать?

По правде говоря, Фаберже рассчитывал увидеть двухметрового матроса, перетянутого пулеметными лентами через плечи, в лихо заломленной на затылок бескозырке, по бокам у которого болтается по большому маузеру. Но человек, сидевший в кабинете, выглядел весьма интеллигентно.

– Выходит, к вам, – чуть смущенно ответил Карл Густавович. Он рассчитывал разговаривать с человеком на повышенных тонах и даже приготовил для подобного случая пару хлестких фраз, которые, по его разумению, должны будут урезонить пыл спорщика. Но встретил человека, совершенно не готового к свалившемуся на его узкие плечи революционному бременю и, видно, тяготившегося немалой властью. – Меня зовут Фаберже Карл Густавович.

– Вот как? Тот самый?

– А разве в России есть еще Фаберже?

– Вы правы. Другого Фаберже в России не сыскать. Пожалуй, что и в мире тоже... Знаете, я очень рад нашему знакомству. Мне кажется, что вы самый знаменитый человек в России.

– Это большое преувеличение. Может, когда-то и был... Но каждое время выдвигает собственных героев.

– И здесь вы абсолютно правы! Прошу вас, садитесь, – указал Урицкий на стул, стоявший по правую руку от себя.

Присев на предложенный стул, Фаберже быстро заговорил:

– Понимаете, в чем дело, сейчас по городу прокатилась волна грабежей. Едва ли не каждый день бандиты совершают налеты на магазины, склады...

– Я всецело разделяю вашу озабоченность, Карл Густавович, – подхватил Урицкий. – Революционный порядок в опасности. И нами по отношению к неприятельским агентам, громилам, спекулянтам, разного рода хулиганам, контрреволюционным агитаторам и германским шпионам принимаются самые жесткие меры! Мы их просто расстреливаем на месте! Эти жесткие действия уже дали свои результаты. Но всем нам предстоит еще немало сделать, чтобы вернуться к прежней жизни. – Глаза Урицкого смотрели прямо и очень понимающе, а голос звучал мягко, успокаивающе, что никак не вязалось со сказанным. Такого человека трудно представить с браунингом в руке, более всего ему подошла бы ручка и кипа ученических тетрадей, лежавших на краешке стола.

– Я, собственно, как раз по этому поводу и пришел... По вечерам даже страшно выйти на улицу. Как правило, жертвами налетов становятся люди состоятельные, вот на прошлой неделе был ограблен мой старинный приятель Куренной, занимавшийся поставками хлеба в Петроград. Все его склады были разграблены, а самого его едва не убили!

– Куренной, говорите? – переспросил Урицкий.

– Да, Куренной, – несколько растерянно отозвался Фаберже.

Чиркнув несколько слов на листочке бумаги, Урицкий произнес:

– Хорошо, я записал. Непременно разберусь с этим делом. Но, к сожалению, он не один такой. И мы будем заниматься каждым случаем. У вас еще что-то есть?

– Да. Опасности ограбления подвергается и мое «Товарищество», которому посвятили свою жизнь мой отец, Петер Густав Фаберже, я сам, да и мои четверо сыновей! Ведь мы имеем дело с драгоценными камнями и благородными металлами. Я, со своей стороны, конечно, принимаю какие-то меры по защите своего дела, но в нынешней ситуации этого крайне недостаточно. Мне бы хотелось заручиться поддержкой властей.

– Что вы имеете в виду? – хмуро спросил Урицкий. Теперь его глаза смотрели холодно и колюче. – Вы хотите, чтобы я поставил к вашим дверям чекистов, когда у нас на счету каждый человек?..

– Моисей Соломонович...

– ...Сейчас очень беспокойно в Тамбовской губернии. Кулацко-эсеровский мятеж в Дмитровском уезде. В стране разруха, голод, а вы мне говорите о том, чтобы поставить часовых у вашего ювелирного магазина!

Фаберже сдержанно кашлянул в кулак, словно набирался смелости для предстоящего разговора, и заговорил вновь:

– Вы меня неправильно поняли... Дело в том, что ювелирные магазины и лавки – весьма лакомый кусок не только для погромщиков и налетчиков, но, извините меня, и для сегодняшних властей, – твердо посмотрел он на Урицкого. Через стекла очков глаза председателя петроградской ЧК выглядели нереально огромными и напоминали жабы. – Сами чекисты их реквизируют.

– Занятный у нас разговор выходит, Карл Густавович, – мягко улыбнулся Урицкий, вновь напомнив школьного учителя, который отчитывает нерадивого гимназиста за скверную успеваемость. – Чтобы произносить подобные слова, требуется немало мужества, а оно, судя по всему, у вас имеется в избытке. Вы предлагаете мне, чекисту, защитить вас от чекистов?

За мягкой располагающей оболочкой прятался человек недюжинной воли. Теперь внешность Урицкого оказывала зловещее воздействие, особенно нелепо выглядела маленькая голова, будто бы вдавленная в плечи.

– За свою жизнь я немало всего натерпелся, так что опасаться мне уже нечего. Я достаточно пожил, чтобы чего-то бояться. Страхи – это для молодых! – парировал Фаберже.

– Вас недостаточно проинформировали, любезнейший Карл Густавович, – вновь заговорил Урицкий хриплым простуженным голосом. – Драгоценности мы реквизируем, это правда... Но только после тщательной проверки и исключительно по мандату кабфина. А потом...

– Все эти реквизиции напоминают самый настоящий грабеж, с той лишь разницей, что бандиты хоть что-то оставляют, а вы забираете все!

– Мы вынуждены это делать, страна сейчас лежит в руинах. Голод! Нам нужно кормить граждан.

– Я тут как-то встретился со своим приятелем Староверовым, купцом первой гильдии. Миллионщик. По всей России муку развозил! Так теперь все его склады национализированы, все его дома переданы каким-то ведомствам. И теперь он находится на иждивении у своей младшей дочери, у которой и без того пятеро детей! А кормить их нечем!

– Что поделаешь, – сочувственно произнес Урицкий, – в нашем деле тоже случаются некоторые перегибы. От них ведь никто не застрахован.

– Лес рубят – щепки летят, вы это хотели сказать?

– Вы меня правильно поняли.

– И все-таки, я могу рассчитывать на то, что мое производство не будет национализировано, а драгоценности и деньги реквизированы? Государство и без того национализировало все мои деньги, которые я переправил в Россию сразу после начала войны с немцами... У меня несколько филиалов по всей России, на них работают тысячи людей, у которых семьи. Всех их нужно кормить, обувать, я хотел бы оставаться уверенным в своем будущем.

– Понимаете, уважаемый Карл Густавович, – после некоторой паузы заговорил Урицкий, – такой гарантии я вам дать не могу, поскольку решение по этому вопросу принимает кабфин, а я всего лишь слепой инструмент. Если они примут вопрос о реквизиции, то я никак не смогу им противодействовать. Хотя лично мне вы очень даже симпатичны...

– Получается, что мне никто не может помочь?

– Увы, сейчас у нас все определяет революционный закон.

– Что ж, позвольте тогда откланяться.

Поднявшись, Карл Фаберже взял трость, прислоненную к столу, и, разогнув спину, пошел к выходу.

Дождавшись, когда за ним закроется дверь, Урицкий подошел к телефонному аппарату и дважды провернул ручку:

– Глеб Иванович, что у нас там по Куренному? Ты отслеживаешь ситуацию?

– Все его склады под контролем. Типичный саботажник, не хотел расставаться с добром. А что такое, Моисей Соломонович?

– Нет, все в порядке, просто поинтересовался.

Положив трубку, он вновь провернул ручку:

– Барышня, соедините меня с кабфином.

Некоторое время Моисей Соломонович вслушивался в тихий треск, а потом на том конце провода прозвучал уверенный мужской голос:

– Слушаю.

– Вы подготовили мандат на реквизицию «Товарищества Карла Фаберже»? – строго спросил Урицкий.

– Еще не успели. Очень много работы.

– Он только что был у меня в кабинете... Немедленно подготовьте мне мандат! Иначе ваши действия сочту как саботаж и контрреволюцию!

– Сейчас же займемся оформлением, товарищ Урицкий!

– В России голод, есть нечего, а тут человек с многомиллионным состоянием заходит в ЧК и требует от нас, чтобы его капиталам обеспечили безопасность. Неслыханно! Подготовьте мне бумагу к завтрашнему дню...

– Сделаем, товарищ Урицкий!

– Мои люди заедут и заберут этот мандат.

Урицкий положил трубку и некоторое время ходил по кабинету в задумчивости, а потом снова поднял ее:

– Соедините меня с Большаковым.

Ждать пришлось недолго, еще через несколько секунд тишину разбил звонкий щелчок и в трубке раздался голос:

– Слушаю.

– Василий, давай подходи ко мне.

– Слушаюсь!

Через несколько минут дверь после короткого стука распахнулась и в кабинет с папкой под мышкой вошел Василий Большаков.

– Вы занимаетесь делом Фаберже?

– Именно так, Моисей Соломонович.

– Кажется, одно время вы служили в русской контрразведке и там занимались этим делом?

– Точно так! – ответил Василий и, немного смутившись, добавил: – Но из контрразведки я потом ушел и занимался революционной работой, был направлен в Швейцарию на обучение.

– Мне это известно... Так что там по Фаберже? Введите меня в курс дела... Вы присаживайтесь, Василий Тимофеевич, – радушно предложил Урицкий. Большаков устроился на стуле, на котором четверть часа назад сидел Карл Фаберже. – Насколько мне известно, Фаберже ведь из немцев, а во время войны даже подозревался в шпионаже в пользу Германии.

– Все так, Моисей Соломонович.

– Почему же в таком случае его компанию не национализировали еще при царе?

– Его компанию должны были национализировать еще два года назад, подозрения действительно были очень серьезными. У него была любовница – австрийка Иоанна-Амалия Бернгардовна Крибель, с которой он познакомился лет пятнадцать назад в Париже. И каждую весну на протяжении всех этих лет он проводил время в ее обществе. Неоднократно Амалия приезжала в Россию, останавливалась всегда в гостинце «Европейская». Потом ей захотелось стать российской подданной, и она несколько лет назад выехала в Тифлис. Какое-то время пела в кафешантане, а потом вышла замуж за семидесятилетнего неграмотного старика села Сацибели – князя Карамана Петровича Цицианова. Это позволило ей получить российское подданство.

– Ловко! – согласился Урицкий.

– Еще та фигура! В Тифлис она больше не возвращалась. Этот фиктивный брак был тонкой игрой австрийкой разведки. Австрийцы перед войной активно расширяли свою агентуру для работы на территории России. Старались привлекать молодых и красивых актрис из модных театров, танцовщиц из кафешантанов, присутствовать во всех местах, куда любили захаживать русские офицеры. Амалия Крибель попала в поле зрения австрийской разведки и

вскоре была завербована, что, впрочем, неудивительно, в ее характере присутствовала некоторая авантюрная жилка. А если учитывать, что она пользовалась у мужчин невероятным успехом, то можете понять, насколько она была ценным агентом. Кроме того, выйдя замуж за грузинского князя, она стала принадлежать к знаменитому роду князей Цициановых, среди которых было немало генералов царской армии. В том числе служивших в Генеральном штабе. Сразу после начала войны Амалия попросила Карла Фаберже помочь ей перебраться в Россию. Он привлек все свои связи, чтобы помочь любовнице, и добился своего. Но сам при этом привлек интерес контрразведки. Вот тогда его ювелирное производство чуть не национализировали. Впоследствии оказалось, что эта Амалия действительно работала на немецкую разведку. Допрашивали и Фаберже, но пришли к выводу, что он невиновен.

– Любопытную историю вы мне рассказали. Где сейчас может быть эта Амалия?

– Она находится под арестом в Ивангороде.

– Я думал, что ее расстреляли.

– Это было бы неблагоприятно, она очень много знает. Вот после того случая Фаберже и решил обезопасить свою компанию и преобразовал ее в «Общество служащих Товарищества «К. Фаберже». Практически все акции он разделил между собой и своими сыновьями, по одной передал своим ювелирам, среди которых были латыш, швейцарец и итальянец.

– Получается целый интернационал, – хмыкнул Урицкий.

– Вот именно. А при таком обилии иностранцев ликвидация фирме уже не страшна.

– Что представляет собой эта любовница Фаберже? Он действительно к ней настолько привязан?

– Судя по тому, что связь между ними длится свыше пятнадцати лет, у него к ней действительно очень серьезное чувство. Заступиться в то время за австрийку было гражданским мужеством, я уже не говорю о том, что самого заступника могли сослать куда-нибудь в Сибирь! А вот Амалия Крибель весьма легкомысленная особа. Когда Карла Фаберже не было рядом, она не скучала и не жаловалась на отсутствие любовников. Даже перед самым арестом, проживая в гостинице «Европейская», сошлась с двадцатитрехлетним нидерландским подданным.

– Действительно она так хороша?

– Не берусь судить... Тут дело вкуса. Но довольно интересная: высокая, с греческим профилем.

– Понятно. Насколько состоятелен Фаберже? Он действительно так богат, как о нем говорят?

Василий Большаков открыл папку, вытащил из нее два листочка, отпечатанных на машинке.

– Могу сказать вам более конкретно... Уставной фонд «Товарищества Фаберже» составляет три миллиона рублей золотом... А еще ювелирных изделий миллиона на три.

– Однако, – невольно протянул Урицкий, – цифра впечатляющая.

– Ничего удивительного, Моисей Соломонович, компания Фаберже самая знаменитая в ювелирном мире. На ней работают более пятисот художников и мастеров высочайшей квалификации. Только одного золота высшей пробы у него почти полторы тонны!

– Впечатляюще! Насколько мне известно, такие данные держатся всегда под большим секретом. Откуда они у вас?

– Вы забыли, Моисей Соломонович, я ведь контрразведчик. Бывший...

– Мне говорили, что Карл Фаберже весьма недоверчивый человек, не пускает в свое общество никого со стороны. Все его люди проходят весьма тщательную проверку. В качестве испытания им могут подsunуть драгоценный камень или изделие и проследят, как они поведут себя при этом. Некоторые не выдерживают. Все это правда?

– Все это так, – легко согласился Василий Большаков. – Однажды великий князь Константин Константинович, сосланный Николаем II за кражу из будуара своей матушки, тоже

решил заняться изготовлением ювелирных изделий и попросил Фаберже, чтобы тот его проконсультировал. Карл Фаберже провел его по цехам, показал, как работают мастера, а потом они пришли в комнату, где работают ювелиры. И вот на самом видном месте перед дверью висел кожаный ремень. Великий князь заинтересовался его назначением. И знаете, что ему Фаберже ответил?

Урицкий поправил сползающие очки и с интересом спросил:

– И что же?

– Что этот ремешок – такая же важная часть ювелирного мастерства, как прочие приборы. Что без него ничего не выйдет, он нужен для того, чтобы бить воришку по рукам.

– Вот оно как... – рассмеялся Урицкий. – И это он сказал великому князю, уличенному в воровстве! С его стороны такие слова можно было воспринимать как дерзость. Впрочем, он и есть такой. И все-таки, откуда столь достоверная информация?

– В окружении Фаберже у меня имеется человек, который докладывает о каждом его шаге. Я ему хорошо плачу.

– Мы не можем больше тянуть с ювелиром, завтра вы получите от кабфина мандат на экспроприацию золота и всех ювелирных изделий «Товарищества Фаберже».

Глава 5. Поставьте в духовку осетра

Вернувшись на Морскую, 24, Карл Фаберже пригласил к себе в кабинет главного мастера фирмы. Через несколько минут в его кабинет вошел еще не старый, но уже седеющий человек с клинообразной бородкой, Франц Бирнбаум, главный художник фирмы. Родом он из Швейцарии, будучи сиротой, был отправлен в четырнадцатилетнем возрасте в Россию, где учился в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, по окончании которой поступил на службу в фирму Фаберже.

– Вы сделали опись драгоценностей? – спросил Карл Густавович, строго посмотрев в глаза Бирнбауму.

Тот уверенно выдержал тяжеловатый взгляд Карла Фаберже. Никогда прежде ему не доводилось видеть хозяина столь взволнованным. С Карлом Густавовичем определенно что-то произошло. Время было беспокойным, но «Товарищество» продолжало существовать, хотя дела двигались без прежнего размаха.

– Да, Карл Густавович, – спокойно ответил Бирнбаум. – Все сделал в точности, как вы и просили. Переписал самым тщательным образом. Описал каждое изделие, проставил инвентарный номер, указал цену...

– И на какую сумму у вас получилось? – перебил его Фаберже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.